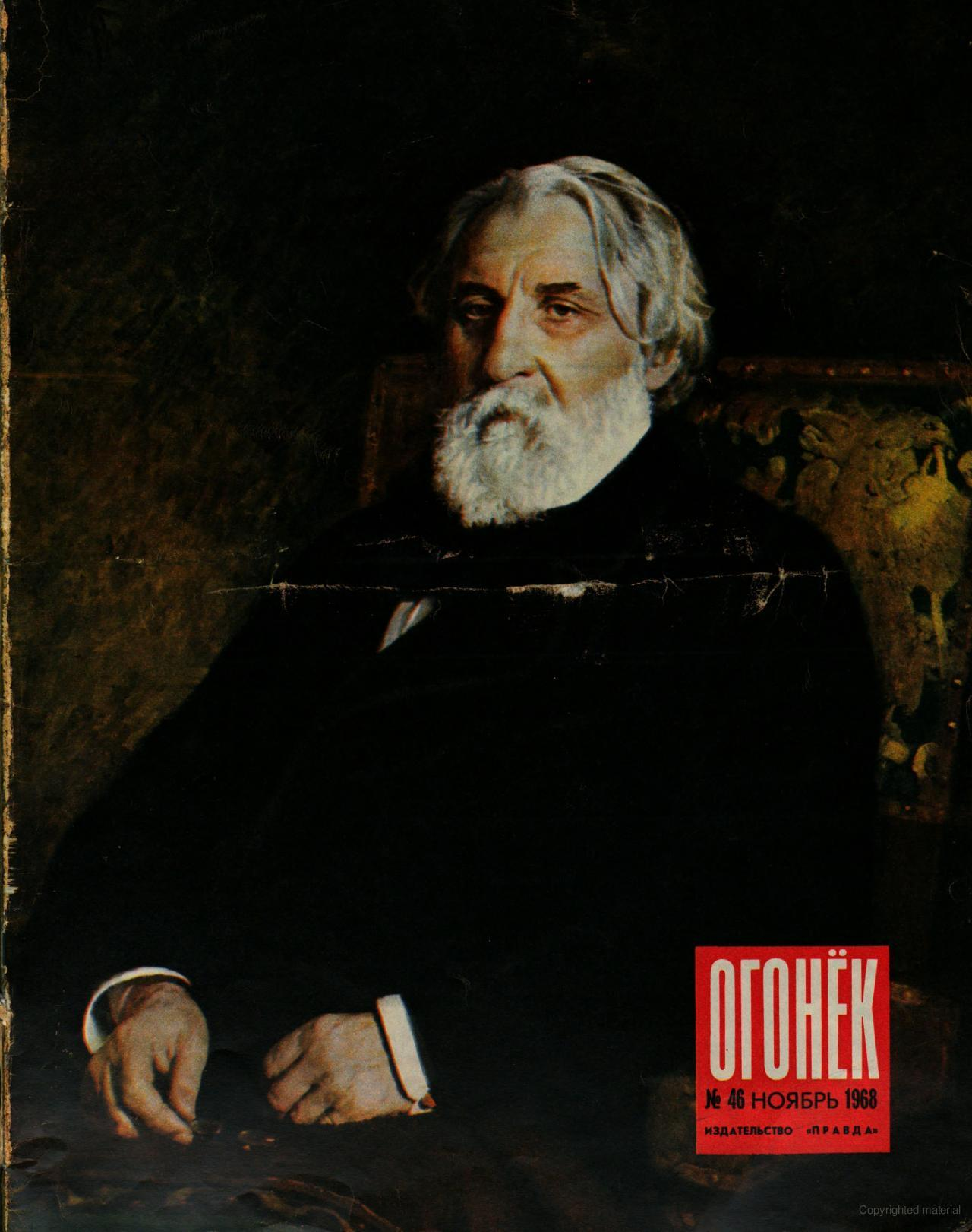

ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

СЛАВА ВЕЛИКО

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 46 (2159)
Основан
1 апреля 1923 года
10 НОЯБРЯ 1968
МУ ОКТЯБРЮ!

МОСКВА.

7 НОЯБРЯ

1968 ГОДА

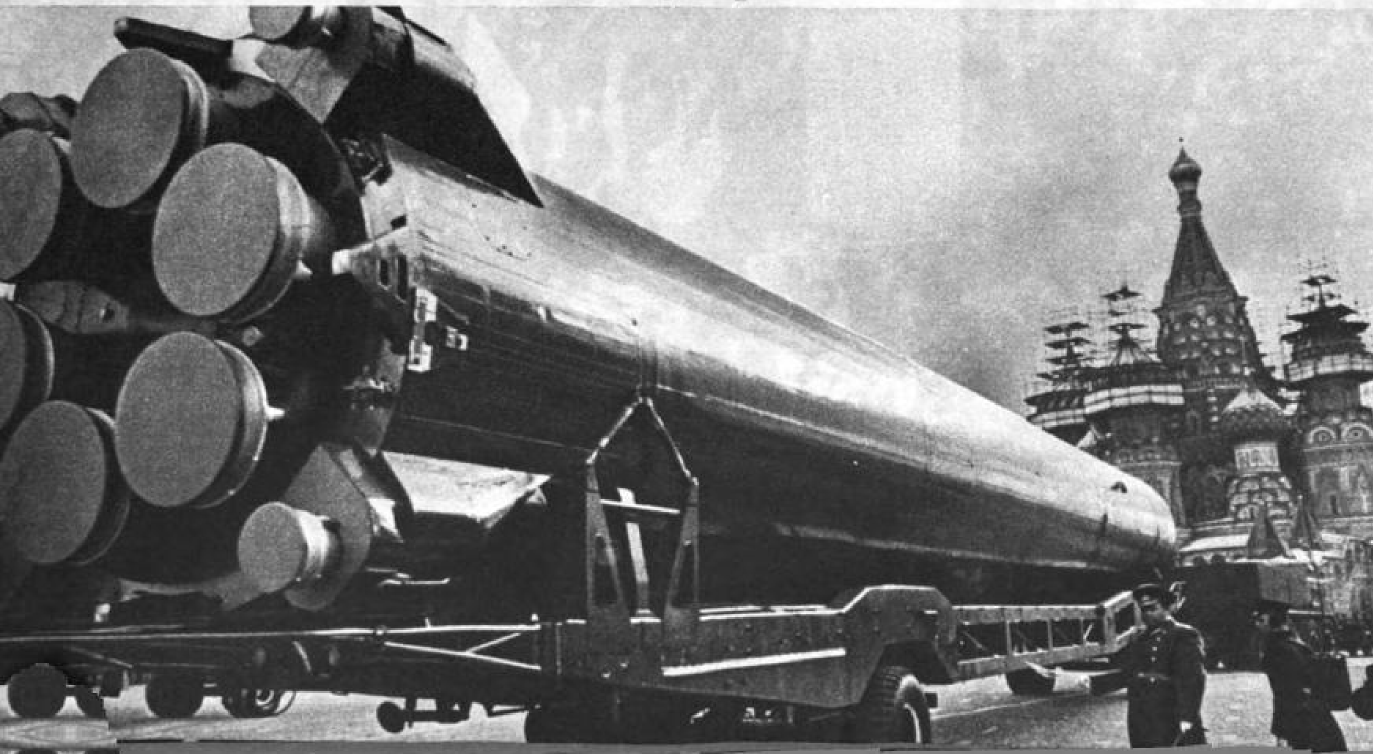

Фото Дм. Бальтерманца, А. Бочинина, А. Гостева, Д. Ухтомского

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

30—31 октября состоялся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС, на котором были рассмотрены важнейшие вопросы экономического развития страны и внешней политики.

Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «О ходе выполнения решений XXIII съезда и Пленумов ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства».

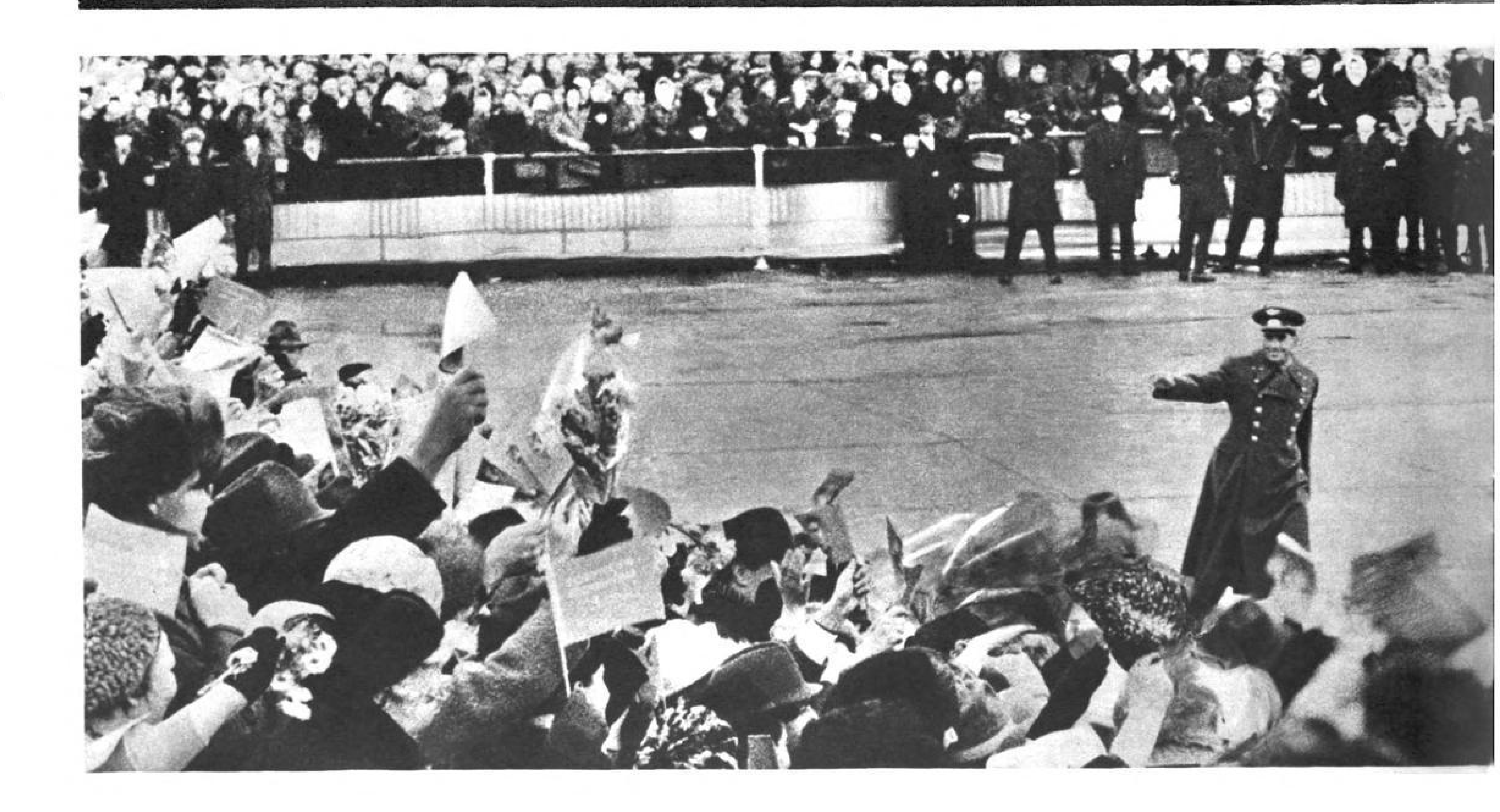
В прениях по докладу выступили: тт. П. Е. Шелест — первый секретарь ЦК Компартии Украины, А. В. Коваленко — первый секретарь Оренбургского обкома КПСС, Д. А. Кунаев — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, Г. С. Золотухин — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, Г. И. Воронов — Председатель Совета Министров РСФСР, А. А. Кокарев — первый секретарь Красноярского крайкома КПСС, Ш. Р. Рашидов — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, Р. А. Бельских — управляющая отделением совхоза «Михайловский» Панинского района Воронежской области, Е. Е. Алексеевский — министр мелиорации и водного хозяйства СССР, Т. Я. Киселев — Председатель Совета Министров Белорусской ССР, Ф. А. Табеев — первый секретарь Татарского обкома КПСС, А. С. Дрыгин — первый секретарь Вологодского обкома КПСС, В. В. Мацкевич — министр сельского хозяйства СССР, Ф. С. Горячев — первый секретарь Новосибирского обкома КПСС, А. Э. Восс — первый секретарь ЦК Компартии Латвии, Н. К. Байбаков — заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР, З. Н. Нуриев — первый секретарь Башкирского обкома КПСС, Л. А. Костандов — министр химической промышленности СССР, А. Е. Кочинян — первый секретарь ЦК Компартии Армении, А. В. Георгиев — первый секретарь Алтайского крайкома КПСС, И. Ф. Синицын — министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР, А. У. Модогоев — первый секретарь Бурятского обкома КПСС.

Пленум единогласно принял постановление по этому вопросу.

Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «О внешнеполитической деятельности Политбюро ЦК КПСС».

В прениях по этому вопросу выступили: тт. В. В. Гришин — первый секретарь Московского горкома КПСС, В. П. Мжаванадзе — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, А. Е. Корнейчук — секретарь правления Союза писателей СССР, В. А. Смирнов — бригадир судосборщиков Балтийского завода имени С. Орджоникидзе, г. Ленинград, А. Ф. Ештокин — первый секретарь Кемеровского обкома КПСС, В. В. Кузнецов — первый заместитель министра иностранных дел СССР.

Пленум ЦК единодушно принял постановление по докладу тов. Л. И. Брежнева «О внешнеполитической деятельности Политбюро ЦК КПСС».

Рождение 150-сильного

> *«Уже сегодня надо думать о машинах завтрашнего дня, о механизации будущего, базирующейся на принципиально новых процессах, новых видах энергии и материалов».*
>
> Из доклада Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС.

З. ХИРЕН

Главный конструктор Харьковского тракторного завода Борис Павлович Кошуба только что вернулся с Кубани, где на полях научно-исследовательского института проходит государственные испытания новый, 150-сильный гусеничный трактор, созданный на ХТЗ.

— Нигде так часто не говорят о погоде, как в сельском хозяйстве. Вот, например, «наивыгоднейшие сроки». А что это значит? Выполнять работы так, чтобы освободиться от погодной зависимости, обмануть погоду. Стихия безвозвратно уносит много времени пахаря. Поля нуждаются в машинах, способных работать на самых больших скоростях. Таким признан наш 150-сильный трактор. Скорость его от 9 до 15 километров в час. Тут и влажность почвы не упустишь, да и пересушенной избежишь. Там, где три трактора не справятся, наш один все сделает.

10 октября нынешнего года на полях Кубанского научно-исследовательского института по испытанию тракторов и сельскохозяйственных машин начались экзамены для новой машины. Поля там немалые: 45 тысяч гектаров! Есть где развернуться. Испытатели не щадят нашего трактора. Стараются узнать о нем абсолютно все: производительность, причины простоев, наиболее поражаемые детали... Хронометрист регистрирует время, затраченное на работу, на ремонт, техуход... Никаких компромиссов. И мы, создатели этого трактора, скрывать нечего, нервничаем, не всегда согласны с выводами испытателей, но в то же время знаем: без такой тщательной проверки трактор, которого ждут сотни тысяч людей, в серию выпускать нельзя.

Развитие современной техники связано с беспрерывным повышением скоростей.

Но дело не только в наивыгоднейших скоростях,— продолжает конструктор.— Читая доклад Леонида Ильича Брежнева на Пленуме ЦК КПСС, вы, наверное, обратили внимание на ряд других особенностей трактора. Работники Министерства сельского хозяйства и «Союзсельхозтехники» подсчитали, что может дать замена нынешнего 75-сильного 150-сильным. Будет сэкономлено около двух с половиной миллионов тонн металла, почти на 400 миллионов рублей уменьшатся единовременные капиталовложения на приобретение техники, и на 40 процентов сократится потребность в механизаторах. В новой машине предусмотрены удобства для механизаторов.

Пока на Кубани идут испытания, завод принимает все меры к тому, чтобы замеченные дефекты как можно скорее ликвидировать.

Испытания будут длиться три тысячи часов. И теперь в конструкторском бюро, в заводоуправлении, в цехах не просто регистрируется каждый час, но анализируются все данные, поступающие из научно-исследовательского института. Кроме того, мы обязаны уже сейчас готовиться к серийному выпуску новых тракторов. Вы можете возразить, что мы идем на технический риск. Да, совершенно правильно. Мы идем на технический риск и, не дожидаясь окончания государственных испытаний, занимаемся разработкой технологии, знакомим кузнецов, термистов, механиков с чертежами деталей будущего трактора, так сказать, передаем им в руки «горячие» листы с тем, чтобы впоследствии не было задержки в выпуске стопятидесятисильного. Не только мы одни заняты созданием условий для его рождения. В эту работу включаются металлурги, химики, машиностроители, заводы, выпускающие автоматические линии, нефтяники.

Можно без всяких преувеличений сказать, что в каждый из 224 миллионов гектаров советской пашни вкладывается труд не только крестьян, но и ученых, конструкторов, инженеров, металлургов.

Идет испытание стопятидесятисильного...

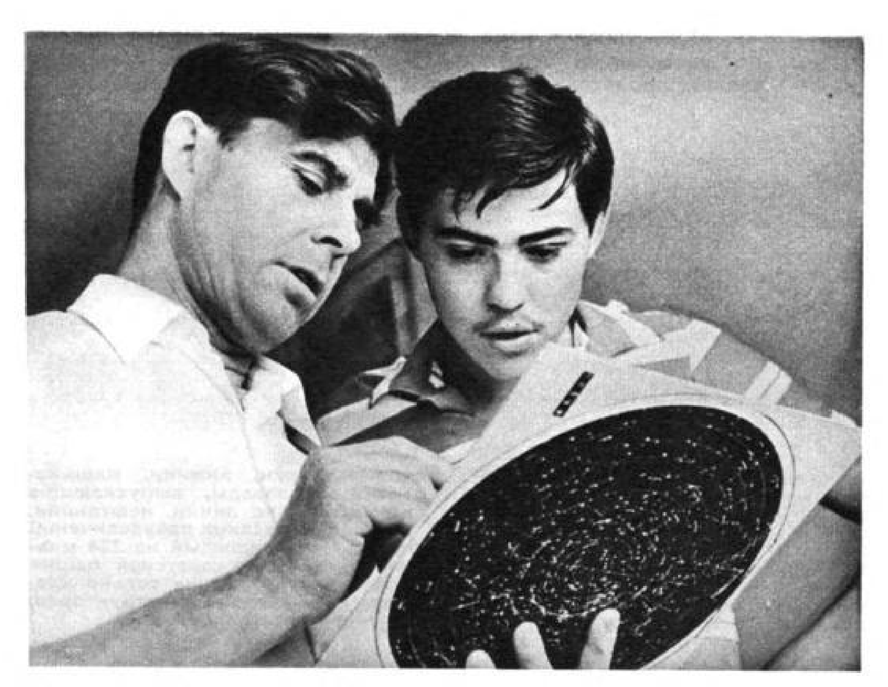

СЛАВА ГЕРОЮ КОСМОСА!

Шесть раз родная Москва торжественно принимала героев-космонавтов. 1 ноября 1968 года состоялась седьмая встреча.

Советский народ сердечно приветствует Георгия Тимофеевича Берегового — командира корабля «Союз-3».

Фото А. Гостева.

Георгий Береговой с сыном Виктором.

Фото А. Моклецова (АПН).

Интервью «Огонька»

Человек и автоматы

В. И. СИФОРОВ, член-корреспондент АН СССР

Пилотировать космический корабль «Союз-3» гораздо сложнее, чем любой из прежних типов кораблей. Ведь там космонавт лишь ориентировал корабль относительно Земли. Теперь же разнообразная автоматика и радиотехнические средства, которыми оснащен «Союз-3», позволили кораблю обрести свободу. Он уже больше не привязан невидимыми нитями к одной какой-нибудь орбите, а может свободно переходить с одной на другую.

У летчика-космонавта две ручки управления. При перемещении одной из них включаются реактивные двигатели, которые разгоняют или тормозят корабль. При перемещении другой происходит поворот корабля вокруг его центра масс. Требуется незаурядное искусство летчика, чтобы выполнить сложное задание по космическому пилотажу и осуществить сближение с другим кораблем.

Недавно весь мир был поражен семисуточным полетом автоматической станции «Зонд-5». Она облетела Луну, вернулась к Земле, вошла со второй космической скоростью в ее атмосферу и благополучно приводнилась в Индийском океане.

Еще раньше был дважды повторен эксперимент автоматического сближения, стыковки и расстыковки космических кораблей. Такой четкой и безотказной работы всех автоматических систем еще не знала история космонавтики.

Все эти факты говорят о том, что роль радиоэлектроники и автоматики в космических экспериментах очень велика. Ведь сюда входят и связь с космонавтами, передача телевизионных изображений с корабля и различных команд с Земли, измерение траектории полета, наконец, вся необходимая информация: работа бортовых приборов, температура внутри кабины, исследование состояния здоровья космонавтов и т. д. Не надо забывать и весьма сложную систему наземных служб станции слежения и обработки информации, всевозможные вычислительные машины и т. д.

Замечательный полет космического корабля «Союз-3» обеспечивался гигантской автоматической системой, которая, по существу, охватывает всю планету. Автоматы были установлены и на борту «Союза-3». Автоматизирована каждая, самая малая операция. Даже при сближении при ручном управлении, что так блестяще проделал летчик-космонавт Г. Т. Береговой, ему помогали бортовые электронно-вычислительные машины и современные средства космической навигации.

И все же... Человека в космосе не сможет заменить никакая электроника. Конечно, можно создавать все новые и новые автоматы, которые работали бы за человека. Но, во-первых, невозможно учесть все, точнее, почти все. Где гарантия, что какая-нибудь неисправность не произойдет именно в этой, неучтенной области? Во-вторых, такое обилие автоматов слишком утяжелит корабль, и его трудно будет поднять в космос.

Еще одна важная проблема — надежность работы всей аппаратуры. Ведь чем ее больше, тем больше и возможных неполадок.

За что же я все-таки ратую? За гармоническое сочетание, за некий симбиоз человеческого знания, опыта, интуиции с автоматическими устройствами. За автоматы — помощники человека, надежные, точные, могущественные. Конечно, все зависит от целей, которые ставят перед собой исследователи. Но сложные явления в космосе или комплексные проблемы лучше всего изучать непосредственно с участием человека.

Сейчас космос бороздят сотни различных автоматических спутников Земли. Одни служат для дальней связи и телевизионного вещания, другие передают на Землю фотографии, по которым ученые находят тайфуны и скопления грозовых облаков, третьи сообщают об интенсивности солнечной радиации...

Но вспомните ставшие уже легендарными слова о нашей планете пионера космоса — Юрия Алексеевича Гагарина: «Голубой шарик». В этих простых человеческих словах заложено столько информации, сколько нет и не может быть в сотнях фотографий Земли.

Итак, я за творческое содружество человека и умных автоматов.

См. страницы 26—27.

Леонид СОБОЛЕВ

Дорогой наш Иван Сергеевич!

Вот мы собрались здесь, на родной Вам и столь душевно любимой Вами орловской земле. Мы стоим над обрывом, знакомым Вам с детства, мы, люди, которые спустя много десятилетий после Вашего ухода из жизни живут сейчас на земле. Они хранят Ваши светлые идеи, Ваше прекрасное литературное мастерство, Ваш великолепный русский язык, Вашу любовь к родной стране с ее покоряющей душу природой, так живо и ярко запечатленной Вами. Словом, в наших сердцах живете Вы — один из гигантов русской литературы.

Иван Сергеевич! Мы сегодня открыли здесь памятник, который будет стоять века в удивительном и прекрасном окружении любимой Вами природы — на этом обрыве над Окой, среди куп деревьев, перед далью орловских просторов. Он навсегда останется здесь, на Орловщине, в советском городе неведомой Вам Советской страны, о которой Вы не могли и подозревать, но которая воплотила самые дерзкие замыслы прогрессивных героев Ваших книг.

Вы, дорогой наш Иван Сергеевич, создали долго живущие образы современной Вам молодежи, мечтавшей о светлом будущем. А мы за эти десятилетия без Вас превратили эту мечту в действительность. Вот уже пятьдесят один год она именуется Союзом Советских Социалистических Республик. Граждане этого Союза, читатели нашего современья, те, кто строит справедливое коммунистическое общество, и теперь, как и много лет назад, русские читатели влюбляются в Ваших «тургеневских девушек». Они разделяют мысли Рудина и Базарова, прогрессивных, но беспомощных тогда молодых людей, искавших выхода, страдают вместе с Вашими крестьянами, раздумывают о жизни вместе с Калинычем и Хорем, плачут с Лукерьей.

Вот сейчас, создав этот памятник, мы поломали временные рамки, даже самое понятие «время». Вы бессмертны, дорогой Иван Сергеевич. Доблестная Ваша деятельность российского литератора обеспечила Вам достойное место в бессмертии.

Иван Сергеевич, мы передаем Вам привет из дорогого Вашему сердцу Спасского-Лутовинова, где вчера — в который раз! — мы побывали. Вам кланяются, шлют сердечный вневременный привет и любимый Ваш дуб, и пруд Савиной, и столь протоптанная Вами аллея изгнанника, и старое кресло-самосон, и флигель, стены которого помнят Вас за рабочим столом, и, возможно, будет время, когда наука проявит Ваш портрет, впитавшийся в эти стены... Все это цело, и все это мы бережем как драгоценные реликвии.

Иван Сергеевич, мы восстановим тот дом, который Вам дорог по воспоминаниям детства и юности, дом, о котором Вы так тосковали во Франции, далеко отсюда, в Буживале. Поверьте, что мы сделаем все, чтобы поколения, которые сменят нас на этой планете, как мы сменили Вас, навсегда сохранили память о великом русском писателе.

Мы благодарим Вас, Иван Сергеевич, за то, что Вы сумели сделать на Западе для распространения и утверждения уже создавшейся в Ваше время великой русской литературы. После Вашего ухода достоверно выяснилось, что имена классиков русской литературы стали известны всей планете. И одной из благодатных причин этого события были Вы, Иван Сергеевич, друг Флобера, Мопассана, Золя, Мериме, Жорж Санд. Земной Вам поклон за это от всей плеяды российских писателей, чьи книги обошли планету.

Стойте же здесь, на нашей Орловщине, в бронзовом воплощении. Сюда будут приходить на поклон Вам новые люди, которых Вы не знаете. Они будут приносить Вам любовь и благодарность и юных и одряхлевших сердец, ибо юности Вы создали мечты, а старости — мудрость.

Спасибо Вам, дорогой наш товарищ Тургенев! Мы любим Вас всей душой, всем сердцем. Вы — наш!

Из речи на открытии памятника И. С. Тургеневу в Орле.

Иван Тургенев

1818 1968

Торжествующая любовь к Тургеневу начиналась для каждого с отроческого изумленного прочтения его родниково утоляющих книг, где мир открывается так многоцветно, так лучезарно, так освежающе и победно, что юному взору виделась ничем не омраченная даль жизни, охватывали неясные предчувствия радости, любви, подвигов необыкновенных.

В пору иных, зрелых общений с Тургеневым рождался рой дум тревожных и обнадеживающих, захлестывала многосложная стихия жизни, неостановимая человеческая разгадка пути и истины бытия.

Но как бы ни воспринимался нами Тургенев, радостно или горестно прочитывались его страницы, испытывал ли ты чувство от него, когда закипала в тебе молодая сила, или на закате, когда гасли годы твоей жизни,— при имени великого писателя всякий раз возникало представление о подвиге человеколюбия.

Старый, измученный болезнью, тяжко умирающий писатель скажет художнику А. П. Боголюбову: «Вы лю́бите людей, и я их старался любить, сколько мог, так любите их всегда...»

Знамя гуманизма было удержано Тургеневым в жестокое время. В холодной ночи, окутавшей крепостную Россию, оглашаемую глухими стонами и охранительными окриками, под замораживающим взглядом Николая Палкина нужно было иметь не только гражданское, но и личное мужество, чтобы публично противиться рабству. В ряду других наших великих литературных предшественников Иван Сергеевич Тургенев прочно встал на сторону угнетенных, для воспевания которых он не пожалел золотых слов. Дворянин Тургенев не побоялся гордо бросить перчатку своему классу, вывести миру для осуждения и презрения типы реакции и угнетения.

С «Записок охотника» началось идейное размежевание Тургенева с дворянством, начался стремительный бег его движения в реалистическом искусстве.

Вся последующая творческая история великого художника веско подтвердила ту плодоносную истину, что реалистическая литература процветает в единственно безошибочном направлении — в истовом, осознанном служении интересам народа, что ее должно занимать, по словам Тургенева, «воспроизведение развития нашего родного народа; его физиономии, его сердечного, его духовного быта, его судеб, его великих дел». Мы не замечаем разночтений в том, как понимал идею служения искусства Тургенев и как понимали ее лучшие представители культурной жизни дореволюционного времени. Их единодушие в этом, подкрепленное колоссальным эстетическим опытом, идею служения народу вознесло на знамя социалистической культуры. От передовых симпатий, от понимания народного назначения искусства мы пошли еще дальше — к классовым оценкам художественной практики. И все же предтечи они — гиганты-художники девятнадцатого столетия.

Тургенев стал не только гуманистом, не только сострадателем народному горю. В тьме общественных, запутанных отношений, когда на разлагающемся крепостном организме бурно стала взращиваться ядовитейшего свойства плесень молодого наглого российского капитализма, одним словом, когда будущее народа как бы заволакивалось хмарным туманом, Тургенев не переставал верить в неизбежность улучшения жизни. Он не был революционером, он скорее придерживался общественного эволюционизма, но беспредельная надежда на великое назначение русского народа, какое-то сверхострое чутье на то новое, что глухо зрело в толще жизни, озаряло писателя бодрым провидением, делало его, несмотря на склонность к трагическому, стойким историческим оптимистом.

Невольно одолевают невеселые думы, когда обращаешься после чтения Тургенева к некоторым книгам нынешней, скорой выпечки. Время, которое так сердечно ожидал он, так мечтал о нем, так тянулся к нему,— сегодняшнее время его и нашего отечества — под угрюмыми, нахмуренными очами иного литератора вдруг обретает форму глухой комнаты, чрез стены которой не услышишь, как «русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала... так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны...» («Певцы»). И еще, если следовать пейзажным ассоциациям Тургенева, возникает такая картина: где-нибудь при большой торной дороге стоит сладко пахнущий, аккуратный стожок свежего сена. И вот повадятся прохожие выхватывать из него охапочки: там охапочка, здесь охапочка — глядишь, и превратился он в косматое пугало для вечернего путника, глядишь, и подмочило растерзанное сенцо, потянуло от него прелью и гнильцой.

Литературные охапочные выемки имеют то же свойство обезображивать формы вечно живой, свежей жизни до степени, когда и впрямь потянет прелью. Для чего? Чтобы застращать путника в дальней дороге?

Исторический оптимизм Тургенева, его поражающее современников чутье к новому, естественно, не могли не привести его к мысли о той человеческой силе, которая исподволь содействовала брожению общества. Жизнь давала писателю монбланы материала о притеснении, социальном уродстве, она кишела людьми забитыми, замордованными или, напротив, чванливо пустыми, а то и попросту мерзавцами. Писатель не прошел мимо горя и беззакония — многие и многие страницы его произведений потрясают скорбными словами о времени. Но он не стал только бытописателем униженных и оскорбленных. Тургенев осветил мир чарующими картинами русской природы и русской народной души, став одним из величайших лириков, певцом непреходящей нравственной красоты. Эллинское целомудрие творчества Тургенева вылилось в волнующую песню о чистой любви, в гимн женщине, в веру в прекрасные человеческие чувства.

Но и это все не было бы полной правдой о Тургеневе, если бы мы не увидели в книгах его очертания новой личности, поднявшейся над пошлой действительностью, бросившей ей вызов, если не делом, то жгучим словом. Тургенев всегда осознанно стремился создать образ активного героя; желание высмотреть в забитой и серой повседневности борца немедленного действия никогда не покидало его. Но трагическая склонность художника таилась в том, что на тогдашней российской ниве негде было разгуляться богатырю, сорняки и пустяки жизни забивали любой плодоносный злак.

Первым окрестив своих героев «лишними людьми», Тургенев вовсе не подвел черту под своим поиском активного героя. В «Накануне» и в «Отцах и детях» он делает трудные попытки шагнуть от Рудина и Лаврецкого к Инсарову, Елене Стаховой, Базарову — героям с бо́льшими активными и практическими качествами. Вот это-то творческое упорство, редкая для старости сбереженная истовость вплотную прийти к реальному идеалу человека необыкновенно поражают и поныне в Тургеневе.

Героям его так и не удалось переступить роковую границу от слова к делу. Но так ли бесследны их порывы, так ли лишни они? В историческом смысле мы можем говорить о них как о побудителях, предтечах, которые через революционную демократию, через народничество, пусть слабой волной, пусть даже рябью, все же докатились до рубежа столетия, и дальний ропот их услышали пролетарские революционеры.

И все же есть и другая мерка, которой мы можем полнее оценить тургеневских героев.

Иным может представиться, что великий писатель отворачивался от российских мерзостей и с надеждой вперял свой взгляд туда, на Запад. Сам же он говорил: «Европа часто представляется мне в форме большого, слабо освещенного храма, богато и великолепно украшенного, но под сводами которого царит мрак». Блестящая европейская литература того времени, в том числе французская, украшением которой были Бальзак, Флобер, Мопассан, также немало страниц посвятила своему молодому герою. Но буржуазия уже успела так опохабить свои же собственные ранние идеалы, что лучшие художники той эпохи рисовали картины, как правило, наибеспросветнейшие. Стремление к позитивному идеалу было придавлено в них окружающим безобразием. Поэтому типичнейшей фигурой для европейской литературы без преувеличения можно назвать Растиньяка.

Герои Тургенева, как правило, гибнут или иным способом отходят от жизни, но они никогда не отрекаются от исповедуемых идеалов, не поступаются своей верой, не продаются ни дворянской, ни капиталистической карьере.

Этот урок Тургенева, завещанный советской литературе, призывает к нравственной стойкости молодого героя, его вере в передовые идеалы времени. В едином социалистическом обществе молодой человек не знает трагедии разрыва между словом и делом, ибо он втянут энергией и помыслами своими в действительное преобразование жизни.

Чествуя память Ивана Сергеевича Тургенева, мы не можем не думать о несметности нашего национального духовного богатства, ныне ставшего доступным каждому. Мы гордо считаем великого художника живо причастным к нашему времени, ибо он учит нас могучему русскому слову, щедро открывает красоту вечно меняющегося мира, красоту чувства, побуждает мечтать о прекрасном.

Слава его — песнь торжествующей любви, которая слагается народом в благодарность родному писателю.

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

Роман, герой, время

В. И. КУЛЕШОВ,
доктор филологических наук

Тургенев много раз заявлял, что ему для создания типа всегда нужна встреча с живым человеком. Тем более Тургенев нуждался в живых прообразах, когда писал острогражданственные романы. Он щедро привлекал для этого и факты своей биографии.

Но проблема прототипов всегда имеет относительный смысл. В конце концов художественный образ — всегда плод обобщения фактов, и живет он самостоятельной жизнью. И все же прототип — дело важное. От прототипа можно вести отсчет обобщающей мысли автора, проникать в тайны его творческой лаборатории, метода и стиля. У разных художников различная зависимость от факта.

Еще в школе, знакомясь с романом «Отцы и дети», мы привыкаем рассуждать примерно так: Базаров — демократ, а Кирсановы — либералы, «Отцы и дети» отражают великий раскол в общественном движении шестидесятых годов, когда либерал Тургенев порвал с демократами Чернышевским и Добролюбовым, участниками «Современника». Отсюда некоторая холодность Тургенева в обрисовке Базарова, тут и там рассыпаны им уязвляющие Базарова мелочи: красные, неаристократические руки, неуклюжие манеры, развязность. Но Тургенев не щадил и Кирсановых.

И все же концы с концами остаются несведенными: либерал не щадил либералов. Ножницы раздвигаются еще больше, когда мы узнаем, что, закончив роман, Тургенев высказал в своем дневнике предчувствие, что «Современник», вероятно, обольет меня презрением за Базарова». И писатель не обманулся: действительно, все в редакции — Чернышевский, Щедрин, Антонович — обвинили его в карикатуре на умершего Добролюбова. Но дневниковая фраза у Тургенева заканчивается так: «— и не поверит, что во все время писания я чувствовал к нему (Базарову.— В. К.) невольное влечение». А когда зашумела полемика вокруг романа, Тургенев публично пояснил, что «вся моя повесть направлена против дворянства, как передового класса». Итак, либерал с симпатией рисовал притягательный образ разночинца и демократа Базарова.

Видимо, мы все еще догматически и односторонне толкуем взаимоотношения Тургенева с революционными демократами. Слово «либерал» тут всего не покрывает и не разъясняет. Какая-то неопределенность по этому вопросу остается во всех работах о Тургеневе, на каком бы большом фактическом материале они ни строились. Наверное, эти отношения были добрее и глубже с обеих сторон, хотя знаменитый раскол в редакции «Современника» преподал первый классический образец генерального размежевания. Но столкновение больших людей часто приводит к их взаимному сближению и дальнейшему духовному росту. Люди и история продолжают о них судить по блеснувшей всем в глаза ссоре. Надо посмотреть на дело шире.

Статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» о романе «Накануне» (март 1860 года) подала непосредственный повод к разрыву Тургенева с «Современником». Но когда в ноябре 1861 года умер Добролюбов, Тургенев искренне сожалел о нем, хотя и говорил, что Добролюбов «напрасно» тратил свои силы и даровитость, «собирался меня съесть живым». Старые эмоции еще мешали Тургеневу быть вполне объективным. В 1869 году Тургенев признавал справедливость статьи Добролюбова о «Накануне», «исполненной самых незаслуженных похвал»; Тургенев называл Добролюбова «выразителем общественного мнения». И, наконец, в 1880 году статью «Когда же придет настоящий день?» Тургенев назвал самой выдающейся о романе.

Знавшая до мельчайших подробностей историю трений между «сановитым» Тургеневым и «молодым человеком» Добролюбовым, редакция «Современника» слишком близко к сердцу приняла некоторое портретное сходство Базарова с Добролюбовым (длинный рост, бакенбарды, очки, манера говорить) и слишком превратно истолковала сниженный план всего образа по сравнению с подлинными представителями революционной демократии, усматривая в этом сознательную утрировку и карикатуру на все передовое движение. А тут еще правительство начало гонения на «нигилистов» и «поджигателей». Чернышевский считал, что Тургенев «желал мстить Добролюбову, когда писал свой роман». Пеняла Тургеневу за то же самое писательница Марко Вовчок. В свою очередь, глазами Добролюбова смотрела на Тургенева в своих воспоминаниях А. Я. Панаева. Но тогда же, в горячие дни кривотолков об «Отцах и детях», Писарев не заметил никакого подвоха и карикатуры в Базарове. Он чистосердечно узнал в образе Базарова свое поколение, современных «детей» и поднял Базарова на щит. В общем, был прав Писарев: история — этот лучший судья — уже произнесла свое суждение о Базарове: он, несомненно, образ положительный. В некрологе о Тургеневе Щедрин, отбросив все прежнее — наносное, высоко оценил его литературную деятельность, «наравне с деятельностью Некрасова, Белинского и Добролюбова». Последующие демократы, в том числе и многие народники, приняли также Тургенева как своего испытанного, чуткого летописца.

Что же произошло в самый момент разрыва с «Современником» и в те ближайшие месяцы, когда Тургенев создавал своих «Отцов и детей» (задуманы в августе 1860-го, окончены через год, в августе 1861 года)? Только ли отход от демократов и брюзжание, о чем обычно охотно и подробно говорят биографы писателя, или и отход от какой-то своей собственной рутины, о чем можно судить только по его творчеству? Ведь Тургенев сам только что блестяще подвел черту под «лишними людьми» из дворян (Рудин, Лаврецкий), сам в болгарине Инсарове схематически предугадал черты нового героя. А потом сразу же, под впечатлением стычки с демократами из «Современника», стал рисовать живые черты русского воинствующего разночинца и сознательно дал ему возможность торжествовать в спорах над «дрянью аристократишками». Тургенев воистину одержал двойную победу: от схемы перешел к образу и, создавая Базарова, сам себя пересоздал. Щедрин в 1876 году подметил это усилие: «Последнее, что он напи-

«ДНЕВНИК ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА».

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКА П. ПИНКИСЕВИЧА К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И. С. ТУРГЕНЕВА.

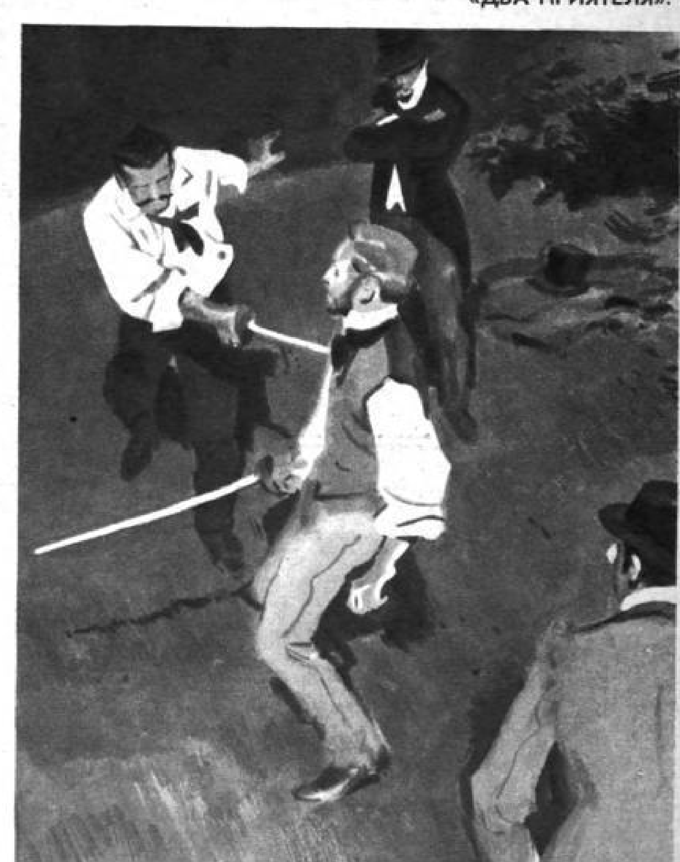
«НОВЬ».

«СОБАКА».

«ДЫМ».

«ДВА ПРИЯТЕЛЯ».

«ЧАСЫ».

сал,— «Отцы и дети» — было плодом общения с «Современником». Там были озорники неприятные, но которые заставляли мыслить, негодовать, возвращаться и перерабатывать себя самого». Под озорниками следует подразумевать Добролюбова, а не Антоновича, как полагают некоторые. Вряд ли Антонович мог заставить Тургенева мыслить, да и вступил Антонович в «Современник» после ухода из него Тургенева, а заметную роль стал играть с 1862 года.

В основу «Отцов и детей» легла лично пережитая Тургеневым драма, как всегда — живые впечатления от живых лиц, разумеется, в художественно преображенном виде.

Добролюбов как личность, как идеолог, как автор ряда важных для Тургенева статей — вот кто «внушил» ему идею романа «Отцы и дети», и самое, может быть, название его, и круг спорных проблем, и ударные, решающие слова и определения — «нигилисты», «принципы», рисующие характеры спорящих сторон, и возраст героев, и даже некоторые их портретные черты. Конфликт с «Современником» не отвел Тургенева от злободневной темы, а, наоборот, навел на нее.

В любой работе о Тургеневе мы найдем ряд версий относительно прототипов Базарова и указания на значение для романа «Отцы и дети» столкновения Тургенева с Добролюбовым. Но указания носят либо слишком общий характер (эпохальное столкновение), либо слишком мелочной (портретное сходство).

Желая прокомментировать типичность образа Базарова, исследователи отклонялись далеко в сторону, выстраивали длинные ряды носителей его отдельных черт: тут и демократы Чернышевский, Писарев, и ученые-естествоиспытатели Ножин, Бутлеров, Сеченов, Ковалевский, Менделеев, и уездные медики В. Якушкин и Дмитриев. На Дмитриева указал сам Тургенев, но до сих пор о нем никаких достоверных сведений найти не удалось. Не придумал ли его Тургенев, чтобы отвести от себя наветы в карикатуре на Добролюбова? Один из исследователей недавно доказывал, что прототипом Базарова был Л. Н. Толстой... Как видим, проблема поставлена давно, но решение ее идет вразброд, многие из названных выдающихся лиц никакого отношения к генезису образа Базарова не имеют. Никто из них так не был под боком у Тургенева, никто из них не стоял в центре пережитой им драмы, никто так не концентрировал в себе комплекс основных примет образа Базарова, как Добролюбов. Сознавая всю условность проблемы прототипов и громадную разницу между гением Добролюбовым и заурядным нигилистом Базаровым, мы все же должны искать корни этого образа не вне главного опыта Тургенева, а в той совокупности обстоятельств, событий и впечатлений, которые характеризуют пережитую писателем идеологическую драму.

Если Тургенев ввел в общественное сознание формулы «отцы и дети», «нигилисты», дал понятие непримиримости раскола между поколениями, очертил приблизительный круг спорных между ними проблем, то при всей творческой самостоятельности и свободе Тургенева, как большого, вдумчивого художника, основную идею романа об «отцах» и «детях», идею, в каком направлении надо идти после «Накануне», он мог обрести именно в статьях Добролюбова, с которым спорил и которого переспорить не смог. В рецензии на книгу «Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни» (1858, № 3), в статьях «Литературные мелочи прошлого года» (1859, № 1), «Когда же придет настоящий день?» (1860, № 3) заключаются многие лозунги романа «Отцы и дети», здесь предрешены некоторые его ситуации и детали. Тургенев жадно читал эти статьи.

Слова «нигилизм» и «нигилисты» очень многое характеризуют в образе Базарова. Эти термины ввел Тургенев, во всех словарях он по справедливости считается их изобретателем. Но навел его на них Добролюбов, который употребил в «Современнике» этот термин в рецензии на книгу казанского профессора В. Берви «Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни».

Широкую жизнь термину «нигилизм» дал Тургенев своим романом. Но вот что он мог прочитать о «нигилистах» в рецензии Добролюбова на бездарную книжку В. Берви. Добролюбовский контекст прямо подводил Тургенева к полноте понимания термина, его боевой, полемической направленности. Консерватор и схоласт, отставший от современной науки, В. Берви бросал в своей книжке термин «нигилисты» в лицо молодежи, а Добролюбов подхватывал термин и истолковывал его в положительном смысле, как знамя «детей». В свое время так и Булгарин бросил термин «натуральная школа» в лицо последователям Гоголя, желая этим унизить их, а Белинский перетолковал и облагородил термин. Слово «нигилист» Добролюбов с симпатией закрепил за молодым поколением и четко провел разграничение старого и молодого поколений в их взаимных несогласиях.

«Литературные мелочи прошлого года» уже настолько резко и глубоко толковали о расхождении поколений и так определенно выдвигали на общественную арену «тип людей реальных, с крепкими нервами и здоровым воображением», которых пожилые люди без должных оснований упрекают «в холодности, черствости, бесстрастии», что Герцен в Лондоне испугался, как известно, и написал свою полную тревоги за свое поколение статью «Очень опасно!!!». Однако новый, базаровский тип «желчевиков» смело шел своей дорогой и занимал место во всех сферах, тесня пожилых людей...

Кто же эти юноши и эти пожилые? В «Литературных мелочах...» намечен возраст поколений, и он в точности соответствует возрасту «отцов» и «детей» в романе Тургенева. Но сначала Добролюбов вспомнил, что были и совсем отжившие свой век «семидесятилетние старцы» — реакционеры. В предреформенную эпоху против них объединились пожилые и юноши, жаждавшие обновления и гласности. «Между двумя поколениями,— говорит Добролюбов, опираясь на личный опыт сотрудничества с Тургеневым в редакции «Современника»,— заключен был, безмолвно и сердечно, крепкий союз против третьего поколения, отжившего, парализованного...» и т. д. «Но не прошло и года (и это в точности соответствует фактам, так как Добролюбов вступил в «Современник» осенью 1856 года, а раздоры с Тургеневым начались через год, о чем свидетельствует Чернышевский), как молодые люди увидели непрочность и бесполезность своего союза со зрелыми мудрецами». С выходом каждой новой книжки журнала «все слабел энтузиазм молодежи» по отношению к этим деятелям, которые «почувствовали себя как-то не в своей тарелке и не знали, что им делать и говорить». «Юноши, доселе занимавшиеся, вместе со зрелыми мудрецами, поражением семидесятилетних старцев, решились теперь перенести свою критику и на людей пятидесяти и даже сорока лет». Вот и возрастные расчеты поколений, вот перед нами «деды», «отцы» и «дети». В романе Тургенева Николаю Петровичу Кирсанову сорок четыре года, а Павлу Петровичу сорок пять. Конечно, это очень простая арифметика, но она все же как-то принималась в расчет Добролюбовым. И Тургенев не прошел мимо нее, коль скоро сам к барьеру ставил два последних поколения.

На одной стороне оказался «нигилизм», на другой — «принсипы». И это столкновение мировоззрений четко проведено в статье Добролюбова. Он продолжал начатый в предшествующей рецензии разговор. Новые штрихи вносились в понятие нигилизма. Юноши поняли, говорит Добролюбов, что «абсолютного в мире ничего нет, а все имеет только относительное значение». И «вместо всех туманных абстракций и призраков прошедших поколений» они «увидели в мире только **человека**, настоящего человека, состоящего из плоти и крови, с его действительными, а не фантастическими отношениями ко всему внешнему миру». Базаров также без излишней метафизики решал вопрос о своем собственном пребывании в лоне мира: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Павел Петрович, пораженный развязностью Базарова, вопрошает: «Вы не признаете никаких авторитетов? Не верите им?» И тот отвечал: «Да зачем же я стану их признавать? И чему я буду верить? Мне скажут дело, я соглашаюсь, вот и все». Так сказать, в «принсипы» не верит, а в «лягушек», то есть в опыт, наглядную, явно полезную, дельную истину, верит. Таким образом, сказать, что он ни во что не верит, неправильно, у него просто другие «прынципы». Но поскольку это словцо перехвачено противной партией, то он и не воюет из-за слов. Важно только, что́ он подразумевает под принципами.

И вот вся эта страстно обсужденная в статьях проблема «отцов» и «детей» оказалась вплотную придвинутой Добролюбовым к Тургеневу в статье «Когда же придет настоящий день?». Конечно, Тургенева испугали прямые революционные истолкования некоторых сторон в романе «Накануне». Но что же еще могло обидеть его в этой статье, которую он потом принял? Мы и сейчас удивляемся и не знаем ответа: все в статье благополучно. Снова, и в который раз, сказано, что «чутье настоящей минуты и на этот раз не обмануло автора» романа «Накануне». Роман — новый шаг вперед после «Рудина» и «Дворянского гнезда». Без подсказок, путем органического развития и внутреннего поиска Тургенев вышел за черту «лишних людей» и начал искать активных героев. Роман «Накануне» получился правильной логической конструкцией, отвечавшей на вопрос, куда надо идти, но художественно малоубедительным. Это относилось к двум главным героям: болгарину Инсарову и Елене. В романе показаны только сборы на борьбу, но не сама борьба. В нем нет ни одной сцены, в которой бы во имя «деятельного добра» герои вмешались в привычный ход жизни. Героическая эпопея не получилась, так как автор не ставил или не захотел поставить героев лицом к лицу с самим делом, с партиями, с народом, своими единомышленниками, вражеской силой, правительством. Все это упреком звучало у Добролюбова. Мы ждем, говорил Добролюбов, чтобы нам хоть кто-нибудь объяснил, что делать? Итак, подавалась уже мысль о будущем романе на тему «Что делать?». Известно, что роман Чернышевского написан с полемическим подтекстом по отношению к «Отцам и детям», в которых и Базаров показан вне борьбы, хотя как реальный герой, важная веха по пути к «русскому Инсарову», восстающему против «внутренних турок». Тургенев «Что делать?» не написал, но он написал «Отцов и детей». А относительно последних есть проникнутая пафосом политической борьбы — или, как тогда писали, «силой приподнимающей»—последняя подсказка Добролюбова писателю. Ее-то и всего тяжелее было пережить Тургеневу: для ее выполнения, то есть для того, чтобы сделать дальнейший шаг после «Накануне», надо было самому переродиться, принять в качестве добра многое из того, что в поколении Добролюбова и «нигилистов» он только что отверг, порывая с «Современником». Русским Инсаровым предстояла борьба с внутренним врагом во много раз труднее. И все же залоги победы были, приход героев борьбы был не за горами. «Старая общественная рутина отживает свой век,— писал Добролюбов,— еще несколько колебаний, еще несколько сильных слов и благоприятных фактов, и явятся деятели!» Добролюбов ждал молодое поколение, этих скептиков, нигилистов, работников на благо человека, противников рутины, которые уже расшатали веру в старые «принсипы». Само общество взялось за воспитание этих штурманов.

Но, выясняя от большого до малого личную ситуацию, в которой Тургенев мог создать роман «Отцы и дети», мы не должны упрощать проблему о прототипах его образов. Конечно, он не только себя, не только Добролюбова «описывал». Его герои не были гениями. Тургенев убрал, например, по совету Анненкова первоначально имевшиеся в романе упоминания о Пальмерстоне и Кавуре как предметах споров Базарова с Кирсановыми, которые слишком намекали на статьи Чернышевского и Добролюбова, обсуждавшие этих деятелей. Он сознательно уходил от явных, малохудожественных соответствий. Тургенев в конце концов рисовал средних людей, массовые типы борющихся поколений, вглядываясь в бесконечные дали живой жизни.

Решая уже давно поставленную в науке проблему прототипа образа Базарова, мы только хотели подвести мысль исследователей к тому сокровенному кругу впечатлений писателя, который, думается, ближайшим образом был источником его главных творческих импульсов. Сердцебиение всей обсуждаемой проблемы — во взаимоотношениях Тургенева с революционными демократами. Эти отношения в конечном счете оказались побудительной силой и дали прекрасный плод — «Отцов и детей».

И. С. Тургенев. С акварели К. А. Горбунова. 1838—1839.

Годы жизни

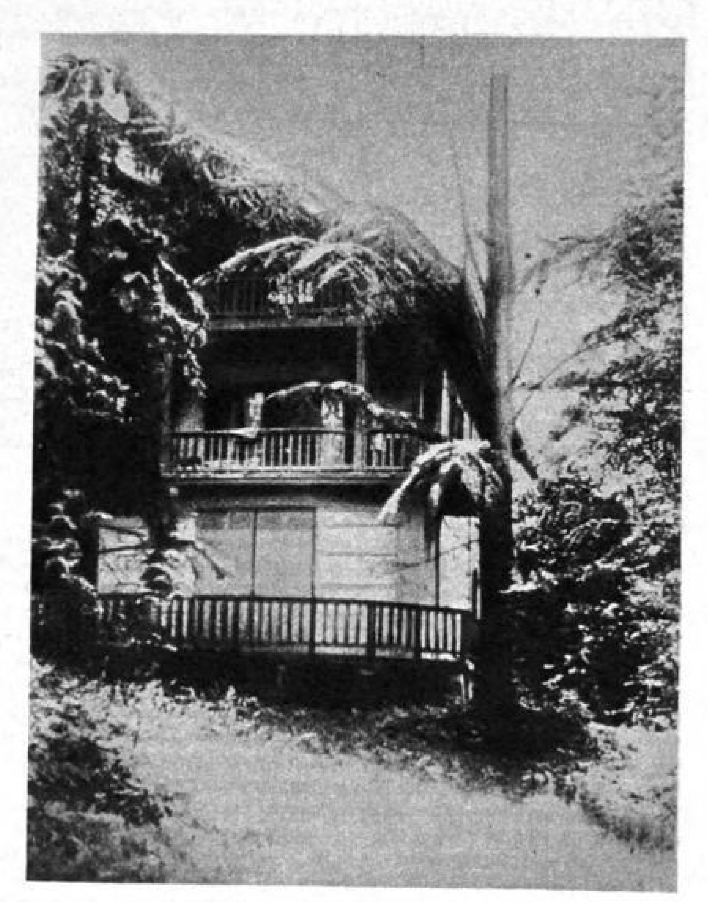
Время сохранило для нас, потомков Ивана Сергеевича Тургенева, фотографии, рисунки, документы, которые прибавляют новые штрихи к дорогому образу великого русского писателя. Все, связанное с ним, раскрывающее блистательные страницы славной жизни, стало для нас национальными реликвиями. Тургенев — молодой, Тургенев — в кругу своих литературных друзей, тургеневские рукописи, Тургенев — в зените народной славы, а вот и места, связанные с его жизнью и творчеством,— о них рассказывают документы, победившие время.

Маленькая гостиная в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле.

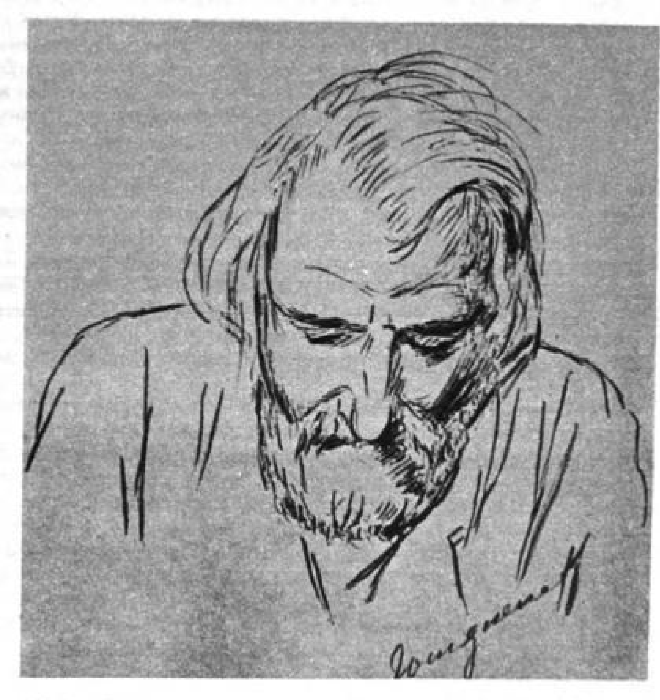

В группе писателей «Современника»: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой. Фотография. 1856.

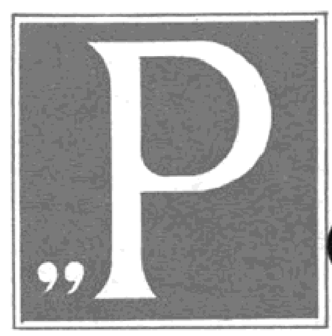
Страница из «Литературных и житейских воспоминаний» с оценкой романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

Дом писателя в Буживале (Франция).

И. С. Тургенев. С рисунка Полины Виардо. 1879.

ОДНОМУ ХУДОЖЕСТВУ

Иван Сергеевич Тургенев был не только великим писателем. С молодых лет он неустанный пропагандист и популяризатор русской культуры в зарубежных странах. Ни один отечественный писатель не сделал столько, как Тургенев, для того, чтобы лучшие создания русской литературы, изобразительного искусства и музыки стали, по его выражению, «всеобщим достоянием, достоянием всего цивилизованного мира». На страницах «Огонька» (1967, №№ 48 и 49) мне уже довелось рассказать о том, какую кипучую деятельность развил Тургенев, чтобы роман «Война и мир» получил всемирную известность. Можно назвать десятки других произведений русских писателей, начиная от Пушкина и кончая Гаршиным, ставших известными во Франции или Германии, в Англии или США лишь благодаря невероятной настойчивости Тургенева. И вместе с тем какую заботу он проявлял о людях отечественной школы живописи и ваяния, порой только начинавших свой творческий путь!

Вряд ли существовал в прошлом веке другой выдающийся русский писатель, в жизни которого изобразительное искусство занимало такое значительное место, как в духовной жизни Тургенева.

Прежде всего оно стало как бы его вторым призванием. Писатель был не только превосходным рисовальщиком и карикатуристом,— в беседе с коллекционером И. Е. Цветковым он признавался: «...если бы можно было снова выбирать себе карьеру, я не выбрал бы карьеры писателя... Я выбрал бы карьеру пейзажиста». Кстати сказать, Тургенев был непревзойденным мастером описания природы. И это как-то сближало его с лучшими мастерами изобразительного искусства. Известный живописец А. П. Боголюбов писал о Тургеневе: «В его описаниях природы есть та высокая наблюдательность и красота, которую дай бог видеть каждому художнику, и при том умении выразить ее на холсте, как это он делал своим могучим пером». И разве не характерно, что, когда немецкому историку искусства Рихарду Мутеру понадобилось отыскать в беллетристике параллель пейзажу великого барбизонца Теодора Руссо, из всей сокровищницы мировой литературы он мог назвать произведения одного лишь Тургенева. Там «все так свежо и ясно, как будто не прошло через посредство пера, а прямо вышло из лесов и степей»,— писал Мутер о «Записках охотника», подчеркивая близость в изображении природы у Теодора Руссо и Тургенева.

В начале 1870-х годов Тургенев стал завзятым коллекционером. «У каждого человека свой тарантул,— говорил он одному из своих знакомых.— Меня, например, ужалил тарантул живописи». Другому литератору Тургенев признавался: «Я превратился в ярого художественного amateur'а [1]». А третьему корреспонденту писал: «Я заразился картиноманией». Тургенев стал постоянным посетителем аукционов в знаменитом Отеле Друо в Париже. И хотя, по словам самого писателя, профессионалы-антиквары, регулярно бывавшие на этих аукционах, считали, что его легко надуть, тем не менее Тургенев собрал значительную коллекцию, в которой были хорошо представлены старые мастера, барбизонцы, а также некоторые русские художники.

Много энергии, времени и средств писатель затратил на создание «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». Внук А. Н. Радищева художник А. П. Боголюбов, постоянно живший во Франции и являвшийся председателем этого общества, говорил, что «возникновением своим оно немало обязано Тургеневу как главному учредителю, постоянному члену Комитета и секретарю, звание и обязанности которого он предложил взять на себя без всяких просьб и до конца жизни, несмотря на свои серьезные труды, всегда находил время заняться нашим делом». Устав общества, составленный в январе 1878 года Антокольским и Тургеневым, лег в основу извещения «От Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже», напечатанного в апрельской книжке журнала «Вестник Европы» за следующий год (документ этот остался вне поля зрения исследователей; не назван он и в перечне «коллективное», приведенном в пятнадцатом томе академического полного собрания сочинений Тургенева). В этом пространном извещении, в частности, говорится, что общество «поставило себе целью: а) сближение русских художников и любителей в Париже; б) ознакомление Парижа с русскими художественными произведениями и облегчение сбыта последних; в) образование ссудной кассы для русских художников...». Благодаря этому обществу и прежде всего благодаря личным связям Тургенева многие начинающие русские художники, оказавшиеся во Франции без средств, получили возможность продолжить там свои занятия.

Наконец, многое можно было бы сказать о душевном внимании, уделявшемся Тургеневым отечественным художникам и скульпторам, в талант которых поверил, о его восторженных оценках их творчества, о том, как он стремился, чтобы за рубежом могли увидеть произведения этих мастеров. Но подобного рода фактов так много, что здесь придется ограничиться лишь некоторыми.

Так, стоило Тургеневу посетить в Петербурге 14 февраля 1871 года мастерскую М. М. Антокольского, который тогда еще был учеником Академии художеств, чтобы в тот же день в письме к Полине Виардо поделиться своей радостью (подлинник по-французски):

«Днем я познакомился с молодым русским скульптором из Вильны, обладающим незаурядным талантом. Он изваял статую Ивана Грозного, небрежно одетого, сидящего с библией на коленях, погруженного в грозное и мрачное раздумье. Я нахожу эту статую несомненным шедевром исторического и психологического проникновения, великолепным по исполнению. И сделано это совсем молодым человеком, бедным, как церковная крыса, болезненным, который начал заниматься ваянием и научился читать и писать только в двадцать два года; до этого он был рабочим... В этом бедном болезненном юноше есть, несомненно, гениальность. Его посылают в Италию для поправки здоровья. Зовут его Антокольским; вот имя, которое не умрет».

А спустя три дня Тургенев пишет статью о начинающем скульпторе, которая появляется 19 февраля в «С.-Петербургских ведомостях». В ней писатель одним из первых горячо приветствовал Антокольского и охарактеризовал его как «новое проявление русского искусства».

В те же дни Тургенев побывал в мастерской другого ученика Академии художеств — И. Е. Репина, незадолго до того приступившего к работе над картиной «Бурлаки на Волге». А несколько месяцев спустя, прочитав статью В. В. Стасова, в которой шла речь о выставке работ учеников Академии художеств, в том числе и о Репине, Тургенев написал критику: «Мне очень было приятно узнать, что этот молодой мальчик так бодро и быстро подвигается вперед. В нем талант большой — и несомненный т е м п е р а м е н т живописца, что важнее всего». Правда, позже на протяжении ряда лет Тургенев отдавал предпочтение поселившемуся в Париже художнику А. А. Харламову, который вошел в историю русской живописи как «салонный кондитер». Объясняется это тем, что в художественных симпатиях великого писателя уживались противоречия — прозорливые оценки рядом с отсталыми (об этом см. мою книгу «Репин и Тургенев», 1945). Но картина «Бурлаки на Волге» неизменно вызывала у писателя высокую оценку.

В 1874 году на III Передвижной выставке в Москве Тургенев был «в большом восторге» от исполненных И. Н. Крамским портретов Л. Н. Толстого и И. А. Гончарова, а «Этюд мужика» кисти того же художника очень хотел купить, но он был уже продан.

Увидев впервые в 1876 году картины В. В. Верещагина, писатель спешит сообщить П. М. Третьякову, что они поразили его «своей оригинальностью, правдивостью и силой». А посетив в ноябре 1878 года мастерскую Верещагина, писатель, извещая своего друга П. В. Анненкова, что художнику хочется показать свои произведения Парижу, добавил: «Успех будет несомненный». И Тургенев оказал много внимания организации этой выставки, сделал все наивозможное, чтобы успех действительно сопутствовал ей. А ведь это была первая в столице Франции персональная выставка русского живописца. Вот почему Тургенев решил сам написать статью о Верещагине и напечатать ее в парижской газете «Le XIX-e Siècle», а также широко использовать свои дружеские связи и знакомства в журналистском и писательском мире Парижа, чтобы пропагандировать творчество русского художника, которое пришлось ему по душе. И Тургенев достиг в этом исключительных результатов: по имеющимся у меня далеко не полным данным, около тридцати парижских газет и журналов отметили на своих страницах — нередко пространными статьями — эту выставку произведений Верещагина. Ее успех превзошел все надежды художника, все ожидания Тургенева. То был подлинный триумф.

Что же касается статьи самого Тургенева, то он нашел на редкость яркие слова, чтобы охарактеризовать выдающееся дарование Верещагина. Называя его талант самобытным и могучим, писатель далее говорит: «Особенностью этого таланта является упорное искание правды, физиономии, типического в природе и в человеке, которое он передает с большой верностью и силой, порой несколько суровой, но всегда искренней и величественной». А имея в виду серию картин о русско-турецкой войне, Тургенев солидаризуется с художником, который не только отказывался приукрашивать войну, но стремился показать ее страшные стороны. В той же статье имеются такие слова об этой серии картин: «Фигуры некоторых русских солдат являются шедеврами по верности и глубине наблюдения» (статья Тургенева о Верещагине приведена в 73-м томе «Литературного наследства» — «Из парижского архива И. С. Тургенева»). Вполне правдоподобно сообщение, появившееся в 1879 году в зарубежной прессе: «Говорят, будто русский романист Ив. Тургенев намеревается написать историю г. Верещагина». Но то были уже последние годы жизни писателя.

А вот еще один вызывающий чувство подлинного восхищения факт, свидетельствующий о том, сколько сил уже тяжело больной писатель истратил, решив познакомить «столицу мира», как тогда называли Париж, лишь с одной картиной другого выдающегося русского художника. В первой половине 1880 года Тургенев провел пять месяцев на родине. Здесь он бывал на выставках, посещал мастерские художников. Пришел писатель, видимо, по собственному желанию, и к А. И. Куинджи, чтобы посмотреть только что законченное полотно «Ночь на Днепре». Я. П. Полонский спустя несколько месяцев в статье об этой картине писал, что «не мог оторвать от нее глаз», а «И. С. Тургенев, знаток в живописи, один из первых видел ее в квартире художника и также пришел в восторг». В ноябре того же года, уже находясь в Париже и получив письмо от редактора газеты «Неделя», в которой сообщалось, что это произведение, экспонированное в Обществе поощрения

[1] Любителя (франц.).

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

„РАДОВАТЬСЯ Я БУДУ ПЕРВЫЙ“

художеств, имеет успех, Тургенев ответил 18/30 ноября: «Я очень рад успеху картины Куинджи; очень было бы хорошо, если б он прислал ее сюда на выставку — она несомненно произведет фурор и здесь. Я говорил ему об этом — и брал на себя все хлопоты. Напомните ему лично или через знакомых. Пусть он спишется со мною».

Но к этому времени картина уже стала собственностью великого князя Константина Константиновича, который решил взять ее с собой в кругосветное плавание и уже привез в Шербург, откуда корабль должен был отправиться. Все же просьба Тургенева возымела некоторое действие. Вот что он писал Полонскому 10/22 декабря 1880 года: «Сюда приехала на несколько дней картина Куинджи — и мы постараемся показать ее французам». Тургенев мечтал, как говорил о том писательнице А. Н. Луканиной 7 января 1881 года, чтобы картина «была выставлена здесь в «Salon», она наверно получила бы медаль». Но так как во Дворце промышленности на Елисейских полях очередная ежегодная выставка в парижском «Салоне» открывалась лишь 1 мая, то старания Тургенева успехом не увенчались.

Об этом с чувством большого огорчения он писал 25 января/6 февраля 1881 года Д. В. Григоровичу:

«О картине Куинджи. Это целая история. Вам известно, что вел. кн. Константин Константинович взял ее с собою в кругосветное плаванье. Нет никакого сомнения, что она вернется оттуда совершенно погубленной, благодаря соленым испарениям моря и пр. Свидевшись с ним в Париже — и уговорив его прислать картину из Шербура (где она находилась на фрегате) хоть на десять дней, я имел тайную надежду, что он согласится оставить ее здесь для Выставки, что бы спасло картину и принесло бы много пользы и славы живописцу; ...но великий князь оказал великое упорство — и картина, простояв здесь у первого здешнего торговца картинами Зедельмейера в прекрасной галерее и при отличном освещении, отправилась обратно на фрегат. Все французы, видевшие ее, были поражены удивлением; но беда в том, что очень немногие французы ее видели, несмотря на объявления, помещенные в «Figaro» и прочих журналах... А жаль! Осталась бы картина в Париже — попала бы на Выставку — и грому было бы много — и медаль бы Куинджи получил. Да и кто мог ожидать, что такую большую вещь потащат с собою в морское путешествие?!»

Даже сохранность картины «Ночь на Днепре» волнует писателя. Удивительный человек!

И, узнав, что художник закончил новое полотно, «Березовая роща», Тургенев продолжает в том же письме к Григоровичу:

«Очень радуюсь тому, что Вы говорите о новой его картине, желаю ему всяческих успехов: нельзя ли прислать хоть э т у картину на Выставку сюда? Срок, как Вам известно, 18/6-го марта, ни часом позже... А пребывание «Ночи на Днепре» в Париже уже все-таки приготовило пути».

Целых два года путешествовала эта картина по морям и океанам и, конечно, в парижском «Салоне» не побывала.

В приведенных здесь документах отразились лишь в небольшой степени многочисленные хлопоты Тургенева, связанные с его желанием показать «Ночь на Днепре» в «Салоне». Но даже на одном только этом примере вполне можно сделать вывод, как много душевного напряжения ему порой приходилось тратить на то, чтобы популяризировать на Западе достижения русского изобразительного искусства.

Могу привести неизвестный в печати факт из другой области — заботу, проявленную Тургеневым о материальном благополучии Валентина Серова, потерявшего отца в шестилетнем возрасте. Писатель был дружен с родителями мальчика, встречался с ними, ценил «очень большой талант» композитора А. Н. Серова. Как писала вдова Александра Николаевича, после его смерти семья «осталась обездоленною, осталась в положении простого пролетария». Уже в детстве проявилась художническая одаренность Валентина. Когда в 1874—1875 годах мать и сын жили в Париже, они неоднократно виделись с писателем. Обратив внимание на успехи девятилетнего мальчика в рисовании, Тургенев вместе с А. К. Толстым ходатайствовал перед соответствующими инстанциями о денежной помощи для образования и обучения Валентина живописи. Об этом напоминала его мать в обращении, которое она отправила позже, 20 ноября 1876 года, к вице-президенту Русского музыкального общества Д. А. Оболенскому и где писала: «Всего более, конечно, требуется средств на развитие художественных способностей мальчика — отказать единственному сыну [А. Н.] Серова в помощи для разработки таланта, явно уже выказывавшегося в его ранние годы — считаю грехом перед памятью до безумия любившего его отца». И далее, сославшись на ходатайство Тургенева и А. К. Толстого, вдова композитора просила: «Пусть хоть сын его в своей юности не испытывает обычных тормозов, препятствующих свободному развитию таланта» (письмо не издано; хранится в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде). Как свидетельствует в одной из своих статей мать Валентина Серова, лишь в результате «усиленных ходатайств» Тургенева (А. К. Толстой скончался в начале 1875 года) и «после долгих хлопот» ему удалось добиться регулярной помощи, необходимой для того, чтобы будущий великий русский художник получил образование и был в детстве материально обеспечен. В этом Иван Сергеевич, по-видимому, сыграл решающую роль.

Тургенев с полным правом мог писать В. В. Стасову, с которым во многом расходился в вопросах эстетики: «...всякое проявление поэзии и искусства на Руси меня глубоко радует». И не пустой фразой были его слова, сказанные тому же Стасову: «Родному художеству радоваться я буду первый». И это соответствовало действительности. Вот тому некоторые примеры, относящиеся к последним годам жизни писателя.

И. С. ТУРГЕНЕВ.
Миниатюрный портрет маслом, исполненный И. П. Похитоновым. Париж, 1882—1883 гг.
«...Похитонов также пишет [мой] портрет — необыкновенно выходит удачно и похоже. Этот — мастер!» (запись от 12 января 1883 г. в дневнике Тургенева).

Третьяковская галерея, Москва.

Тургеневу полюбился «Московский дворик» В. Д. Поленова, исполненный в 1878 году, и он приобрел вариант этой картины, который повесил в своем кабинете в Париже.

Узнав о том, что его рассказ «Перепелка», написанный по просьбе С. А. Толстой для журнала «Детский отдых», выпускается отдельным изданием с иллюстрациями В. М. Васнецова и В. И. Сурикова, Тургенев с полной искренностью высказал в связи с этим свое мнение Л. Н. Толстому: «Моей «Перепелке» Вы делаете слишком большую честь, снабжая ее рисунками таких художников, как Васнецов и Суриков. Она только то и хороша, что послужила материалом для их таланта». А по выходе книжки в свет Тургенев внес в свой дневник такую запись: «Перепелку» мою напечатали в прекрасном издании... с отличными иллюстрациями Васнецова и Сурикова. Много чести для такой безделки!»

Когда Тургенев в начале 1879 года приехал на родину, он посетил в Москве выставку работ учеников Училища живописи, ваяния и зодчества, где семнадцатилетний Константин Коровин впервые в жизни экспонировал два своих этюда — «Поздняя осень» и «Березы». Второй этюд так понравился писателю, что он приобрел его. И хотя об этом со слов самого художника было давно сообщено в зарубежной печати, исследователям творческого пути Коровина такой знаменательный факт остался неизвестным.

Был в те годы еще один начинающий русский художник, обративший на себя внимание писателя, и к тому же внимание пристальное. Это Иван Павлович Похитонов (1850—1923 гг.). Выходец из Херсонщины, после нескольких лет пребывания в Полтавском кадетском корпусе самовольно прекративший там занятия, затем по окончании Николаевской реальной гимназии два года учившийся в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии в Москве и, наконец, поступивший на факультет естественных наук Новороссийского университета в Одессе, Похитонов все же решил, что его призвание — живопись, и в конце 1877 года он оказался в Париже. Именно тогда с первого знакомства Тургенев отнесся к Похитонову с большой теплотой и одним

из первых высоко оценил его талант. А ведь это был самоучка, не получивший никакого художнического образования. И все же поверив, что Похитонов рожден быть живописцем, Тургенев с неослабевающим интересом до конца дней своих следил за его успехами и помогал обрести популярность.

В дальнейшем художник был хорошо знаком с семьей Толстого, гостил в Ясной Поляне, и Лев Николаевич самым положительным образом отзывался о его пейзажных работах.

И все же до сих пор нет на русском языке ни одной книги, ни одной обстоятельной исследовательской статьи, посвященной этому замечательному мастеру отечественного изобразительного искусства. Лишь в 1963 году по инициативе известного дирижера Игоря Маркевича, внука художника, Третьяковская галерея организовала первую на родине персональную выставку произведений Похитонова. На ней были экспонированы не только его работы, хранящиеся в наших музеях и в личных коллекциях,— близкие родственники художника, живущие во Франции, предоставили для выставки около шестидесяти первоклассных пейзажей и портретов его кисти.

Меня издавна интересовала судьба архива Похитонова. Но первые сведения, полученные мною в 1963 году во время встречи на московской выставке с Зоей Ивановной Маркевич, дочерью художника, не принесли никаких радостей: она мне сообщила, что в их семье хранился богатый архив отца, где, в частности, было несколько писем Тургенева, но в годы второй мировой войны все погибло. Это оказалось, к счастью, не совсем так: в месяцы пребывания в 1966 году во Франции я узнал, что архив Похитонова в конце тридцатых годов разошелся по разным владельцам, в свою очередь, не раз сменявшимся за истекшее тридцатилетие, а отыскать всех нынешних владельцев этого некогда единого, а ныне раздробленного архива весьма затруднительно. Все же одну его часть мне удалось обнаружить в Париже.

Здесь среди различных материалов оказались и неизданные документы, освещающие отношения Тургенева и Толстого с Похитоновым. Кроме того, в архивах нашей страны нашлись совсем неведомые в печати, а также малоизвестные эпистолярные и мемуарные свидетельства по тому же вопросу. Все это и помогло осуществить мое давнее желание — рассказать о встречах Похитонова с двумя великими русскими писателями, с которыми его свела судьба, привести их отзывы о его художнических достижениях, опубликовать обнаруженные мною высказывания живописца об их творчестве. Мне тем более хотелось обо всем этом рассказать, так как в огромной литературе о Тургеневе и Толстом данная тема осталась совсем незатронутой.

Впервые Похитонов увидел Тургенева, по-видимому, на «вторниках» у Боголюбова. Маститый художник (из-за плохого здоровья он не переносил суровой русской зимы, что вынудило его с 1873 года обосноваться в Париже) был не только куратором молодых живописцев и скульпторов, оканчивавших Петербургскую Академию художеств с золотой медалью, дававшей право на продолжительную заграничную поездку для усовершенствования на казенный счет. Боголюбов оказывал многочисленные услуги и другим молодым деятелям отечественного изобразительного искусства, по разным причинам оказавшимся во Франции. А на «вторниках» в его доме на rue de Rome, служившем, по словам В. С. Серовой, «центром всему русскому художественному мирку в Париже», собирались художники и писатели, артисты и музыканты, общественные и политические деятели... Постоянно посещал эти вторники и Тургенев. Естественно, что, поселившись в конце 1877 года в Париже, Похитонов сразу же пришел к Боголюбову. И хотя, живя за рубежом, убеленный сединами мастер не занимался педагогической деятельностью, его советы по овладению живописью имели для Похитонова большое значение. Вот почему, подарив Боголюбову спустя два года свое произведение, молодой художник сделал на нем такую надпись: «Глубокоуважаемому учителю А. П. Боголюбову. И. Похитонов».

С первых же недель по приезде Похитонова в конце 1877 года во Францию Тургенев и Боголюбов привлекли его к работе по организации вышеупомянутого «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». Среди подписавших благодарственное обращение, составленное Тургеневым 18 июня 1878 года на имя лица, постоянно финансировавшего общество, предоставившего также помещение для клуба и мастерской, наряду с Тургеневым, Боголюбовым, Антокольским был и Похитонов.

О простых отношениях, возникших между писателем и молодым художником, свидетельствует автограф Тургенева, уцелевший в тех бумагах Похитонова, которые удалось отыскать. В этой неизданной записке, датированной 2 июля (нов. ст.) 1879 года, идет речь об открытии надгробного памятника, исполненного по проекту Антокольского, для могилы ученого-востоковеда Н. В. Ханыкова, друга Тургенева. Вот текст записки:

«Любезный Похитонов,

Вы приглашаетесь прибыть в пятницу 4-го июля ровно в три часа к воротам Père Lachaise, чтобы присутствовать при освящении памятника, поставленного над могилой Н. В. Ханыкова.

Примите уверение в совершенном уважении Ив. Тургенев.

(Циркулярно).

P. S. Покорно прошу передать это известие г.г. Виллие, Роману, адреса которых мне неизвестны, а также членам семейства Гинцбургов, которые пожелали бы почтить прах покойника».

В записке упоминаются художники М. Я. Виллие и Р. Ф. Роман, а также Г. О. Гинцбург, хорошие знакомые писателя.

В сохранившихся до нашего времени письмах, отправленных Тургеневым к друзьям в 1881—1882 годах, неоднократно упоминается имя Похитонова, и неизменно в положительном тоне. Что же касается отзывов писателя о нем как о пейзажисте и портретисте, то они всегда были восторженными.

Так, в ответ на просьбу Я. П. Полонского связать его с художником Тургенев отвечает 23 сентября/5 октября 1881 года: «Был у Похитонова, но не застал его: он пропадает где-то в деревне — и адреса своего не оставил. По слухам, много пишет». Из этих строк вполне можно заключить, что Тургенев не раз бывал в мастерской художника. А спустя два месяца — в письме от 24 ноября/6 декабря — Тургенев просит Ж. А. Полонскую: «Скажите Якову Петровичу, что Похитонов, которым он интересуется, все еще не вернулся из России».

8/20 февраля 1882 года «Общество взаимного вспоможения...» организовало в Париже выставку работ русских художников. Тургенев, конечно, принимал деятельное участие в ее подготовке и хорошо знал, какие произведения будут здесь показаны. Но случилось так, что по душе писателю пришлись на этой выставке лишь пейзажи Похитонова. И как то имело место, когда в Париже была организована выставка картин Верещагина, теперь Тургенев решил обратить внимание своих французских друзей — писателей и журналистов — на работы Похитонова. Вот свидетельство тому — его записка, отправленная литератору и переводчику Эмилю Дюрану 10/22 февраля 1882 года (подлинник по-французски):

«Любезный господин Дюран,

Я не помню как следует, сегодня или завтра я должен был зайти повидать вас; зайду завтра к 3 часам, если это вам удобно. А пока посылаю входной билет на нашу выставку, рекомендуя вам, главным образом, небольшие, но совершенно замечательные картины Похитонова.

Тысяча дружеских приветов и до завтра. Ив. Тургенев».

Можно не сомневаться, что Дюран учел рекомендацию Тургенева и написал о работах Похитонова.

Существует еще одно свидетельство — косвенное — о заботах писателя, чтобы в парижской прессе были отмечены показанные на выставке пейзажи молодого художника. Тургенев был дружен с французской писательницей Жюльеттой Адан, выпускавшей журнал «Nouvelle revue française». И здесь в номере от 15 марта появилась о выставке статья, в которой выражалось «сожаление об отсутствии на ней произведений Верещагина», а самую высокую оценку заслужили «прелестные по колориту и исполнению пейзажи Похитонова».

Думается, что в парижской печати были и другие — в какой-то степени обязанные заботам Тургенева — положительные отклики на показанные тогда на выставке работы молодого русского живописца.

Несколько строк посвятил этой выставке Тургенев в письме от 13/25 февраля 1882 года к своему близкому другу П. В. Анненкову — и опять-таки единственная похвала из всех экспонированных здесь художников тому же Похитонову: «Устроили мы здесь выставку произведений русских художников. Посещается она слабо... да оно и понятно. За исключением крошечных пейзажей Похитонова — mediocritas!» [1].

Во второй половине того же 1882 года между Тургеневым и Полонским возник спор о пейзажной живописи — первый хвалил барбизонцев, второй превозносил посредственного швейцарского художника Калама. Отстаивая свою точку зрения, Тургенев в письме к Полонскому от 30 августа/11 сентября 1882 года привел такой пример: «У нас в са-

ОБЩЕСТВО
взаимного вспоможения
и благотворительности
Русскихъ
художниковъ въ Парижѣ

Съ новымъ годомъ, новымъ счастьемъ

Милостивый Государь.

Комитетъ Общества честь имѣетъ известить г.г. членовъ, что устраивается по подпискѣ съ платою не менѣе пяти франковъ съ каждаго участвующаго) въ помѣщеніи Общества (18 rue de Tilsitt) ёлка на канунѣ Русскаго новаго года т.е. 12го сего Января 1883 г. въ 9 часовъ вечера. — Желающіе участвовать въ этомъ домашнемъ праздникѣ благоволятъ доставить въ Общество свои взносы до 9го Января сего года. Каждый членъ можетъ придти съ своей супругой и взрослыми членами своего семейства.

Примите, Милостивый Государь, увѣренія въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Предсѣдатель А. Боголюбовъ
Секретарь Иванъ Тургеневъ

ПИСЬМО — ПРИГЛАШЕНИЕ И. П. ПОХИТОНОВУ НА НОВОГОДНЮЮ ЕЛКУ В ОБЩЕСТВЕ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ В ПАРИЖЕ 12 ЯНВАРЯ 1883 ГОДА.

Было отправлено А. П. Боголюбовым и И. С. Тургеневым 4 января того же года.

Частное собрание, Париж.

[1] Посредственность (лат.).

ду стоит в пятистах шагах от дому березка (Коро особенно любил писать их). Я сейчас взглянул на нее... ну, точно она живьем вышла из одной из его картин». А в другом письме (от 22 сентября/4 октября), когда Полонский почему-то упомянул в своем — неизвестном в печати — письме о Похитонове, Тургенев ответил поэту: «Не стану опять распространяться о пейзажах и т. д. Скажу тебе только, что Похитонов вовсе не детальист и, несмотря на тонкость кисти, пишет так же широко и **пятнами**, как Руссо».

В бумагах Похитонова сохранилось письмо-приглашение, подписанное Боголюбовым и Тургеневым, на новогоднюю елку, которую «Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже» устраивало 12 января (нового стиля) 1883 года. На приглашении — литографированный рисунок елки, увенчанной словами «С новым годом, новым счастьем». Рукою Тургенева проставлена дата письма — 4 января 1883 года. Его текст, составленный, по-видимому, Тургеневым, гласит:

«Милостивый государь,

Комитет Общества честь имеет известить гг. членов, что устраивается по подписке (с платою не менее пяти франков с каждого участвующего) в помещении Общества (18, rue de Tilsitt) елка на кануне Русского Нового года, т. е. 12-го сего января 1883 г. в 9 часов вечера. Желающие участвовать в этом домашнем празднике благоволят доставить в Общество свои взносы до 9-го января сего года. Каждый член может придти с своей супругой и взрослыми членами своего семейства.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Председатель А. **Боголюбов**.
Секретарь Иван **Тургенев**».

На этом вечере присутствовал и писатель. Уже тяжело больной, он все же прочел несколько своих «Стихотворений в прозе». То было последнее посещение им собрания русских художников, то был последний новый год в его жизни.

В отысканном мною дневнике Тургенева, относящемся к последним месяцам его жизни, имеются две интересные записи о Похитонове. Перечисляя тех, кто посетил его в течение последних дней, писатель 5/17 декабря 1882 года вносит в дневник такие строки: «Похитонов, который написал прелестную картинку (зима, стадо коров), привозил мне свою жену, превостренькую и прехорошенькую медицинку». В записи от 31 декабря 1882 года/12 января 1883 года, суммируя свои впечатления от тех, кто побывал у него на протяжении трех предыдущих недель, Тургенев записал в дневнике: «Липгарт сделал с меня портрет (пером) для глазуновского издания. Похитонов также пишет портрет — необыкновенно выходит удачно и похоже. Этот — мастер! Он привозил показывать мне и Виардо картины, которые написал нынешним летом — прелесть!»

В те же последние месяцы своей жизни писатель был занят организацией в Париже большой выставки произведений художников-передвижников, в которой предполагалось также участие находящихся тогда во Франции мастеров русского изобразительного искусства. В связи с этим Тургенев, по его словам, «в качестве секретаря Общества русских художников в Париже», отправил 6/18 декабря 1882 года подробное письмо к И. Н. Крамскому. Оно может быть названо своего рода программным документом, настолько четко писатель сформулировал здесь свой взгляд на ход развития русской живописи. Он хотел это сделать еще года три назад, после жаркого спора с Антокольским. Вот что Тургенев писал ему тогда: «Вчерашний наш весьма беспорядочный (особенно с моей стороны) спор навел меня на мысль: представить в весьма сжатой речи мои воззрения на искусство — и его значение — и прочесть это в одном из наших собраний. (Времени это возьмет ¼ часа, не более.) Я это сделаю не для того, чтобы убедить кого бы то ни было — а чтобы уяснить самому себе и другим этот вопрос, разрешение которого довольно важно». Но замысел писателя остался неосуществленным.

И вот в указанном письме к Крамскому, который был тогда фактическим руководителем Товарищества передвижных художественных выставок, Тургенев решил изложить свои воззрения, хотя бы вкратце, на развитие искусства родной страны.

«Несомненно то,— пишет Тургенев,— что французское общество заинтересовалось русским художеством именно с тех пор, как оно получило самостоятельность и выказало оригинальность — стало русским, народным. (То же самое произошло во Франции и с нашей литературой.) Стало быть в этом вопросе нам сомневаться и колебаться нечего. Но это самое и налагает на нас обязанность строгого и беспристрастного выбора. Произведения нашей школы, в которых еще выказывается тенденциозность, подчеркивание (обыкновенный признак всего еще молодого, незрелого), должны быть удалены как несвободные воспроизведения народной жизни, как обремененные задней мыслью. Это козыряние, это щеголяние самобытностью, большей частью сопряженное со слабостью техники и долженствующее служить ей заменою, немедленно бросается в глаза и охлаждает, особенно людей европейских, у которых долгий опыт развил вкус и чутье фальши. Примером могут служить «Бурлаки» Репина, произведения Верещагина, которые имели здесь знаменательный успех, между тем как иные, тоже якобы народные картины, на которые я указывать не стану, потерпели полное фиаско».

Далее в письме Тургенева такие строки:

«Извините меня, пожалуйста, что я позволяю себе сообщать Вам эти мысли, Вам, который, как истинный художник, являете нам пример этого полного достижения; но я подумал, что в среде наших художников выражение этих мыслей могло иметь некоторое значение».

В этом письме Тургенев в числе «главных членов» задуманной им выставки называет также Похитонова. Нет сомнения, что этот превосходный художник, по мысли Тургенева, был в числе тех русских мастеров изобразительного искусства, которые имели во Франции «знаменательный успех».

Что же касается большой выставки произведений русских художников, которую Тургенев мечтал показать осенью 1883 года в Париже, то осуществить ее было некому: предсмертная болезнь приковала Ивана Сергеевича в последние полгода жизни к постели, а 22 августа/3 сентября 1883 года он скончался.

Очами свежими и нынешними

Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ,
главный режиссер Орловского театра имени И. С. Тургенева

«Холостяк». Маша — А. Малюх. Мошкин — С. Козлов.
Фото В. Кузьмина.

Если пойти по одной из улиц Орла, той, что ведет от Оки к центру города, мимо старинных торговых рядов, то приведет она на небольшую площадь, в середине которой стоит светлое здание с полукруглой колоннадой. Это Орловский драматический театр. Мраморная доска, прибитая у входа, извещает, что основан он 26 сентября 1815 года.

153 года, 153 театральных сезона!.. Это уже история многих поколений артистов.

Труппу заслуженно причисляли к лучшим в русской провинции. На сцене шли «Горе от ума», «Ревизор», «Горькая судьбина», пьесы Островского, трагедии Шекспира и Шиллера, комедии Мольера. Выступали М. С. Щепкин, П. С. Мочалов, Н. Х. Рыбаков, М. Н. Ермолова, В. Ф. Комиссаржевская, М. Г. Савина, П. А. Стрепетова, В. Н. Давыдов, братья Адельгейм, П. Н. Орленев, С. Л. Кузнецов, М. М. Тарханов и многие другие великолепные актеры, составившие гордость и славу русского театра. С орловских подмостков не раз звучало обличение царского строя, протест против его жестокости, несправедливости, деспотизма, слова в защиту Человека, его достоинства и чести.

Когда грянул Октябрь, орловские артисты приняли революцию сразу и выразили готовность служить народу. Интересно, что фактический акт национализации театра прошел без всяких осложнений — решение театральной коллегии организовать в Орле Городской театр, взяв имущество антрепризы В. Крамолова «во временное бесплатное пользование», было принято безоговорочно, и последний орловский антрепренер стал первым советским директором.

В эти годы в Орле так же, как в столице, идут: «Дни Турбиных», «Бронепоезд 14-69», «Заговор чувств», «Хлеб», «Мой друг», «Чапаев», «Страх», «Поднятая целина». Спектаклями этими орловцы как бы отвечали на призыв Блока: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».

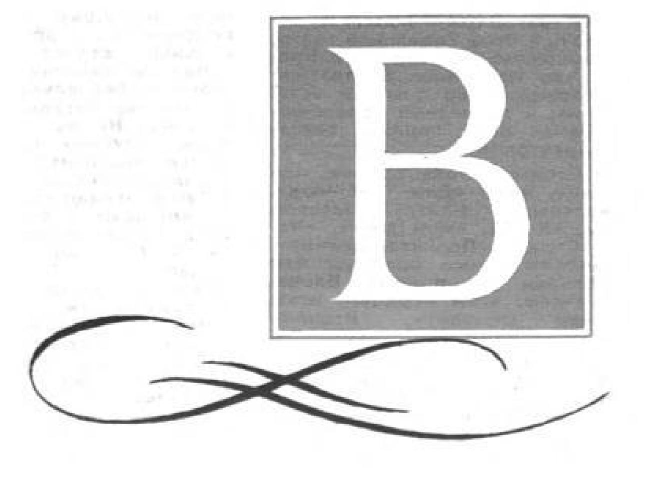
Театр носит имя нашего великого земляка Ивана Сергеевича Тургенева.

Его произведения занимают особое место в нашем репертуаре. И не только потому, что он наш земляк, но потому, что основа его творчества — любовь к Родине, к народу, вера в человека; призыв к нравственному совершенствованию, а если понадобится, и подвигу во имя защиты добра, справедливости, свободы — близка советским художникам. Стремление Тургенева постичь подлинные глубины жизни, его беспощадный реализм, пренебрежение всем показным, ложновеличественным всегда были высотой, к которой стремились деятели Орловского театра.

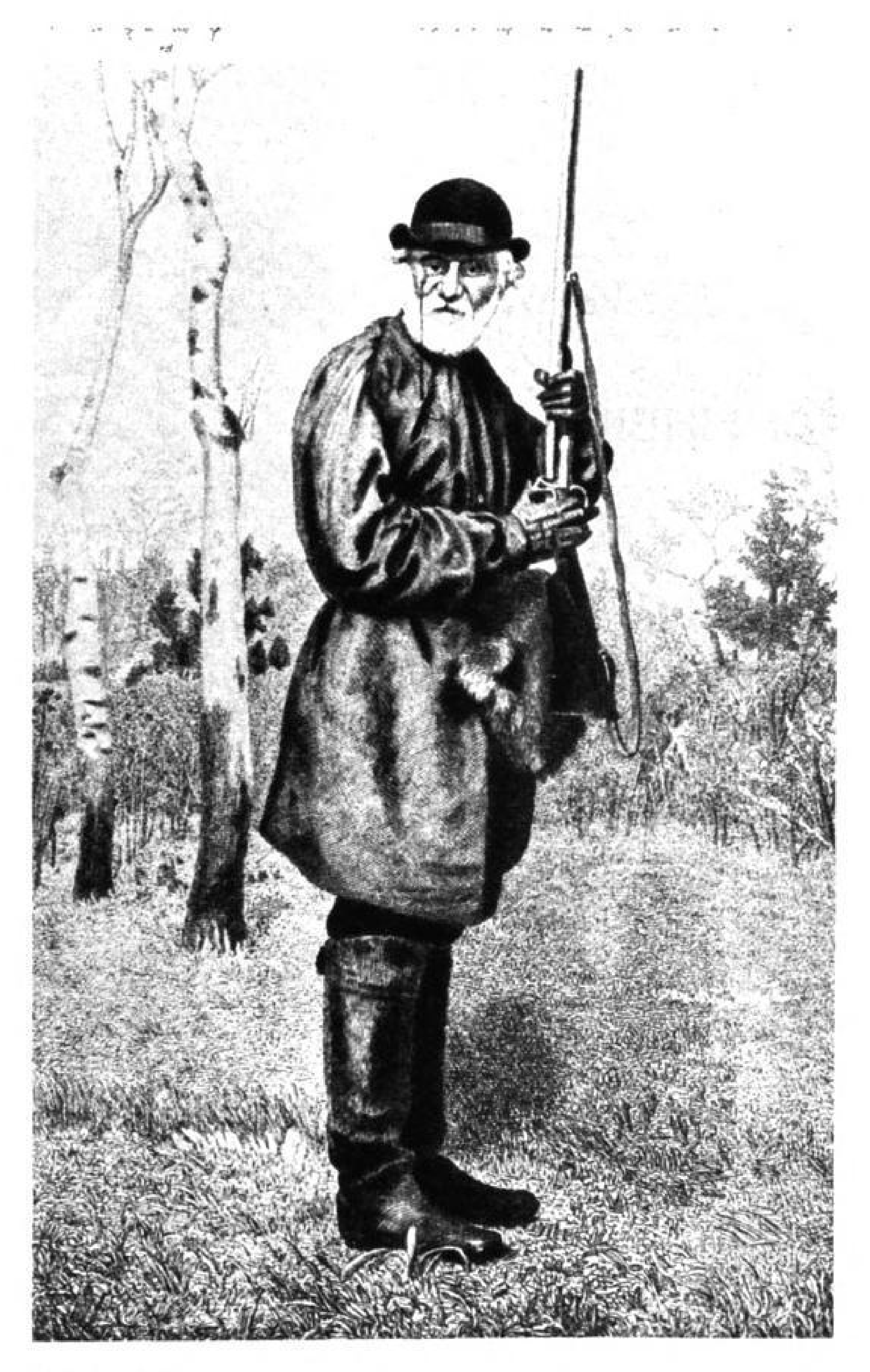
По нескольку лет не сходили с репертуара «Дворянское гнездо», «Новь», «Накануне», «Отцы и дети».

К юбилею И. С. Тургенева мы возобновляем «Холостяка» (режиссер А. Бахвалов). Спектакль этот, поставленный в 1963 году, пользовался большой любовью зрителей, особенно заслуженный артист РСФСР С. Козлов в центральной роли Мошкина. Сейчас он снова сыграет эту роль. Впервые (мне, во всяком случае, такие попытки неизвестны) получит сценическое воплощение «Дым». Роман этот в свое время вызвал ожесточенную полемику. Мы взглянули на него «очами свежими и нынешними». Мы разделяем симпатию автора к людям деятельным, умным, искренне любящим свой народ и радеющим о его пользе. Нам хочется, чтобы в нашем спектакле острая сатира, обличающая правящую верхушку царской России, соединилась с драмой высоких и сильных страстей. Нам хочется показать, как жизнь бессодержательная, бесцельная губит богато одаренные натуры, такие, например, как Ирина. В образах Литвинова, Потугина, Татьяны мы стремимся раскрыть положительный идеал Тургенева.

Тургеневская традиция... Эти слова вмещают в себя такое богатство представлений, образов, понятий! Мы, работники театра, носящего имя Тургенева, мечтаем быть достойными этой чести. Мы мечтаем о том, чтобы наши спектакли, классические и современные, были верны духу Тургенева, чтобы они утверждали радость земного бытия, вдохновляли на труд, на борьбу за лучшие идеалы человечества.

В ОТЧЕМ КРАЮ

И. С. ТУРГЕНЕВ.
Портрет работы Н. Д. Дмитриева-Оренбургского. 1879.

В Спасском-Лутовинове все напоминает о И. С. Тургеневе, который в течение всей своей жизни черпал здесь вдохновение и творческие силы. С детских лет полюбил будущий писатель окрестности своего родового гнезда: просторные орловские дали с пологими холмами и оврагами (верхами по-орловски), перелесками, цветущей гречихой и спелой рожью.

Ребенком Тургенев все дни проводил в саду спасской усадьбы, то в тенистых, то в залитых солнцем аллеях, на берегу живописного пруда. Детские впечатления позднее нашли отражение на страницах повести «Пунин и Бабурин», где Тургенев писал, что сад этот был «очень стар и велик и заканчивался с одной стороны проточным прудом... В голове этого пруда засел густой лозняк; дальше вверх, по обоим бокам косогора, шли сплошные кусты орешника, бузины, жимолости, терна, проросшие снизу вереском и зорей... Тут по веснам певали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тут и в летний зной стояла прохлада...»

Тургеневу всегда был очень дорог этот заложенный еще его дедом, И. И. Лутовиновым, сад с аллеями и лужайками, беседками из лип.

В спасском саду сохранился до наших дней могучий столетний дуб, о котором Тургенев некогда проникновенно писал в «Фаусте»: «Мой любимый дубок стал уже молодым дубом. Вчера, среди дня, я более часа сидел в его тени на скамейке. Мне очень хорошо было. Кругом трава так весело цвела; на всем лежал золотой свет, сильный и мягкий; даже в тень проникал он... А что слышалось птиц!»

Со Спасским-Лутовиновом связано не только детство писателя. Сюда приезжал он неоднократно и в годы учения в Москве, Петербурге и Берлине.

В 1852—1853 годах Тургенев жил здесь в ссылке под надзором местных властей. В этот период были написаны в Спасском-Лутовинове антикрепостническая повесть «Постоялый двор», «Два приятеля» и первый из романов Тургенева — «Два поколения» (сохранился лишь проспект неосуществленного романа). В основу этого романа были положены те впечатления, которые Тургенев получил в Орловской губернии, главным образом в спасской усадьбе, всматриваясь пристальным взором художника в повседневные картины дворянско-помещичьего быта. Прототипом одной из главных героинь романа «Два поколения», Гагиной, крутой и деспотичной помещицы, явилась мать писателя, В. П. Тургенева.

К ссыльному Тургеневу, жившему в небольшом одноэтажном домике, получившем название «флигеля изгнанника» (ныне в нем расположен музей, посвященный жизни и творчеству писателя в Спасском-Лутовинове), приезжали знаменитый русский актер М. С. Щепкин, поэт и публицист И. С. Аксаков, А. А. Фет.

В 1855 году Тургенев работал в Спасском-Лутовинове над романом «Рудин» (в саду сохранилась липовая беседка, которую называют «беседкой Рудина»). Позднее здесь же писались романы «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», ряд других произведений. Чтобы закончить последний из своих романов, Тургенев также приезжал в свое родовое гнездо, «слегка» описав в «Нови» спасский сад.

«Пишется хорошо, только живя в РУССКОЙ деревне. Там и воздухто как будто «полон мыслей»!.. Мысли напрашиваются сами»,— утверждал Тургенев в письме к Е. В. Львовой в 1879 году.

Находясь вдали от России, Тургенев глубоко тосковал по ней. Об этом мы знаем из многочисленных его писем к друзьям. И олицетворением этой далекой, но горячо любимой писателем родины был для него прежде всего орловский край. Письма Тургенева с чужбины заполнены страстной мечтой поскорее вновь увидеть близкие ему места.

Так, С. Т. Аксакову в начале 1857 года Тургенев писал из Парижа: «...весна придет — и я полечу на Родину — где еще жизнь молода и богата надеждами. О, с какой радостью увижу я наши полустепные места!»

А через несколько лет, в конце 1861 года, Тургенев писал своему соседу, И. П. Борисову: «Кто мне растолкует то отрадное чувство, которое всякий раз овладевает мною, когда я с высоты Висельной горы открываю Мценск? В этом зрелище нет ничего особенно пленительного — а мне весело. Это и есть чувство родины».

Летом 1881 года Тургенев последний раз посетил свое родовое гнездо. В этот приезд гостили у него в Спасском-Лутовинове поэт Я. П. Полонский с семьей, приезжали Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, М. Г. Савина.

«Когда он (Тургенев.— Ред.) написал «Песнь торжествующей любви»,— рассказывала впоследствии Савина,— я как раз гостила у него в Спасском-Лутовинове. И Яков Петрович Полонский тоже, они ведь были большими приятелями. Иван Сергеевич предложил нам прослушать только что оконченную вещь. Это и была «Песнь торжествующей любви». Читал вечером на балконе, при свечах. Было самое начало лета, все цвело, и к ночи, тихой и теплой, сад особенно благоухал. Тургенев волновался, я чувствовала, что эта вещь ему дорога, у него даже голос звенел».

В наши дни в Спасском-Лутовинове и в его окрестностях все напоминает о И. С. Тургеневе. Всюду окружает нас здесь та же, казалось бы, скромная и неяркая, но такая задушевная, полная обаяния родная русская природа, запечатленная великим писателем в его «Записках охотника», рассказах, повестях и романах...

Спасское-Лутовиново было подлинной творческой лабораторией Тургенева. Таким вошло оно в сознание потомков писателя, в том числе нас, живущих в советскую эпоху, когда все делается для увековечения памяти Тургенева в некогда столь дорогих ему местах.

Родовое гнездо писателя вдохновляло и еще будет вдохновлять многих и многих художников на создание картин о тургеневских памятных местах. Среди них отметим имена И. Е. Крачковского, Н. К. Бодаревского, С. А. Виноградова, С. Н. Салтанова.

В заключение хочется остановиться на работах советского художника Б. В. Щербакова — создателя целой галереи художественных полотен, посвященных тургеневским местам Орловской области. Б. В. Щербаков запечатлел на своих картинах тургеневский дуб и «беседку Рудина», «флигель изгнанника» и липовую площадку, которую пересекают несколько аллей, образуя римскую цифру «XIX», сельское кладбище, находящееся рядом со спасским садом.

Художника глубоко тронули и вдохновили также окрестности Спасского-Лутовинова: речка Снежедь около Бежина луга, берега реки Исты, «костомаровские дали» и многие-многие другие места орловского края, по которым так много бродил Тургенев.

Интересен и нов по решению портрет Ивана Сергеевича Тургенева. Великий русский писатель стоит среди родных, любимых полей. Цветут луга, по высокому небу бегут облака, кажется, слышишь пение птиц. Великое русское раздолье...

Л. НАЗАРОВА,
Н. ПУЗИН

Б. Щербаков. ВЕЧЕРНИЙ ЛУЧ. ПРУД САВИНОЙ.

УТРО ТУМАННОЕ, УТРО СЕДОЕ.

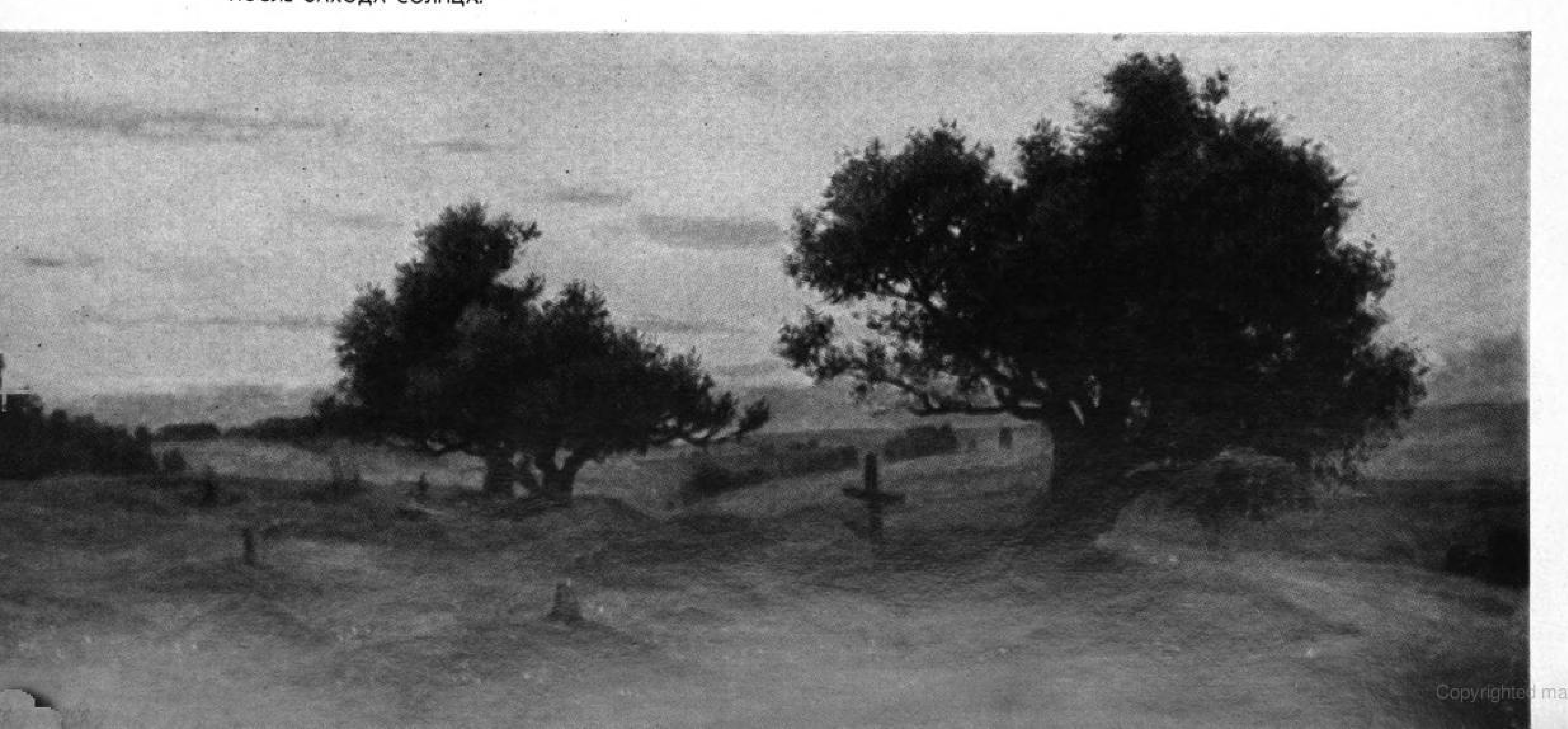

Б. Щербаков.
ПОРТРЕТ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Б. Щербаков. В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ.

ПОСЛЕ ЗАХОДА СОЛНЦА.

ДАВНИЕ ВЕЧЕРА

Федор Иванович любил писателей-классиков, читал их с упоением. Может быть, благодаря им он так чудесно говорил по-русски, так умел в своем большом искусстве подавать слово, фразу.

Конечно, в 1918 году он не мог не откликнуться на 100-летний юбилей И. С. Тургенева. В одном из вечеров, посвященных памяти писателя, Федору Ивановичу Шаляпину было предложено принять участие в драматической инсценировке рассказа «Певцы» из «Записок охотника».

В этом рассказе Тургенев описывает состязание двух мастеровых — любителей пения — рядчика из Жиздры и Якова по прозвищу Турок. Здесь Шаляпин выступил не только как певец, но и как драматический актер, исполнявший роль Якова.

У Тургенева в рассказе есть такие строчки: «Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой... Когда же, наконец, Яков открыл свое лицо — оно было бледно, как у мертвого... Он глубоко вздохнул и запел... «Не одна во поле дороженька пролегала», пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос... русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, и так хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны... Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль...»

Все это, написанное Тургеневым, удивительно свойственно было искусству Шаляпина. Когда он, например, исполнял «Дубинушку» перед рабочей аудиторией в Орехово-Зуеве в 1919 году, то Шаляпин побледнел. Это всегда у него было признаком вдохновенного порыва. А русские песни он пел именно так, как их пел Яков в этом прекрасном рассказе Тургенева.

Сохранилась карточка Федора Ивановича в роли Якова. Этот редкий снимок и предлагается читателям «Огонька».

Почти в те самые дни, когда в Петрограде состоялось замечательное выступление Федора Ивановича в «Певцах», в Москве, в драматической студии имени Ф. И. Шаляпина, готовился целый вечер из произведений Тургенева. В программу его были включены две инсценировки из «Записок охотника» («Бирюк» и «Свидание») и пьеса в одном действии «Вечер в Сорренте».

Постановку осуществили актеры Московского Художественного театра Л. М. Коренева и А. Э. Шахалов. В спектакле принимали участие две старшие дочери Федора Ивановича, их сверстники и друзья.

Спектакль был прежде всего замечательно оформлен. Декорации к «Бирюку» делал В. В. Мешков, впоследствии народный художник РСФСР. «Вечер в Сорренте» оформлял сын художника К. А. Коровина — Алеша, а задник — панно для «Свидания» рисовал совсем молодой еще театральный художник Б. А. Матрунин (известный впоследствии по декорациям в оперной студии имени Станиславского).

На одно из первых представлений «Тургеневского вечера» после своего возвращения из Петрограда пришел Шаляпин.

Когда в студии раздался телефонный звонок и сообщили, что на спектакль вечером придет Федор Иванович, волнение охватило не только участников, но и режиссеров.

Всех нас особенно волновало, как отнесется Федор Иванович к репертуару.

В целом спектакль понравился Федору Ивановичу, и он, собрав нас после спектакля, долго беседовал с нами, указывал на недостатки, отмечая и все хорошее, что было в нем, обещал часто к нам приходить.

„МАЛЕНЬКАЯ СТУДИЯ"
Арбат. Бол. Николо-Песковский пер., д. 13/15.
Телеф. 99-40.

„ТУРГЕНЕВСКИЙ ВЕЧЕР".

I.

„Свидание".
„Из Записок Охотника".

Участвуют:

Акулина . . . . . . Клавдия Половикова.
Виктор, лакей . . . . . Андрей Дуров.

АНТРАКТ.

II.

„Бирюк".
„Из Записок Охотника".

Участвуют:

Бирюк . . . . Вадим Гладкий.
Девочка, его дочь. . . . Ирина Шаляпина.
Охотник . . . . Борис Гальибек.
Мужик. . . . . Николай Львов.

АНТРАКТ.

III.

„Вечер в Сорренте".
Сцена въ одном действии.

Участвуют:

Надежда Павловна Елецкая, вдова . . . . . Лидия Шаляпина.
Маша, ея племянница . . Олимпиада Ничке.
Сергей Платоныч Авакон. Вадим Гладкий.
Алексей Никол. Бельский Николай Кудрявцев.
Лакей . . . . Николай Львов.

Начало ровно въ 7½ час. вечера.

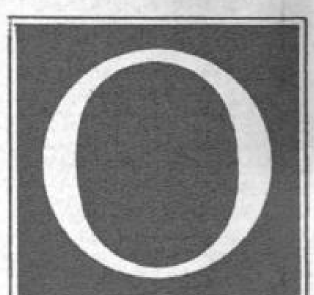
Режиссер—Яков Галицкий.
Художник—Василий Мешков.
Управляющий делами Студии—М. Бедросов.

Не обошлось и без курьезов. Во время исполнения «Бирюка» Федор Иванович начал внимательно прислушиваться к какому-то шуму за сценой, который напоминал шум текущей воды. Он несколько раз поворачивал голову к сидевшему рядом с ним заместителю директора студии М. Г. Бедросову и наконец спросил его: «Это что такое?» Последний несколько смутился: «Дело в том, Федор Иванович, что по ходу пьесы идет дождь. Денег на оборудование шумового прибора дождя у нас не было, и мы решили просто открыть кран в соседней комнате».

На полном серьезе, но еле сдерживая смех, Федор Иванович ответил: «А-а, понимаю...» Но после, когда спектакль окончился и началось его обсуждение, он от души хохотал и обещал помочь этому делу. И он очень быстро свое обещание выполнил, передав отчисление с двух проведенных им концертов в Большом зале консерватории на организацию драматической школы при студии и на оплату преподавателей в ней.

Прошло пятьдесят лет. По-разному сложились судьбы актеров Шаляпинской студии. Но где бы ни трудились бывшие студийцы, годы работы в Шаляпинской студии, события тех незабываемых лет навсегда остались в их сердцах.

И. ШАЛЯПИНА, Н. ЛЬВОВ

● В музее Тургенева.

● Сияют огни у обелиска в честь 400-летия города.

● В тургеневские дни тысячи людей приезжают в город писателя.

● Орлята.

РЕЛ-ГОРОД РУССКИЙ

Над Орлом осень. Прозрачно и высоко бледно-синее небо, черно блестят, как будто их надраили ваксой, тротуары, горят осенним пожаром деревья. И куда бы ты ни шел, когда бы ни шел, обязательно сворачиваешь к Дворянскому гнезду. Это место так притягательно для всех, для орловца особенно. Открываются с него сизые дали, такие неоглядные, что сердце заходится. И думается невольно, что здесь сидел когда-то Тургенев и думал о любви, смотрел на церковь и слушал ее малиновый звон. Церковь тоже цела, хоть и стара уже, обветшала. А рядом с церковью башенные краны — Орел строится, высокие дома, заводы... Этого Тургенев уже не видел, и сердце невольно наполняется гордостью, каким-то превосходством: мы, потомки его, стали богаче, красивее, вольней.

Вот несколько фактов. До революции Орел был захолустный, в основном одноэтажный городишко. Теперь одноэтажные дома — почти музейная редкость. Не было водопровода, автобусов. Теперь весь город покрыт водопроводной сетью, ходят сотни автобусов, трамваев. На весь город была одна библиотека, а теперь их десятки с миллионными запасами книг. Есть свои институты, техникумы, театры...

Да и мало кто знал, читал в то время своего великого земляка И. С. Тургенева. А сейчас, в дни юбилейных торжеств, посвященных 150-летию со дня рождения И. С. Тургенева, десятки тысяч орловцев идут в музей, чтобы поклониться памяти писателя, сотни тысяч орловцев читают его.

Широко и могуче распластал свои крылья Орел. И вовсе не случайно Иван Алексеевич Бунин назвал Орел одним из коренных русских городов. И недаром он носит такое красивое название. И с честью оправдывает его. Сколько он перенес за свою историю, суровую и мужественную! Да и создан он был как опорный пункт, военная крепость для защиты южных границ Московского государства. И зачалась с тех пор для Орла жизнь трудная, солдатская, родился он, чтобы защищать границы государства, земли русской. И всю свою жизнь оставался воином-борцом.

Кто не помнит величайшей битвы на Орловско-Курской дуге, кто не знает, что первый победный салют Родины был в честь Орла и Белгорода!

Любой прохожий вам с гордостью скажет, что в Орле «каждый камень историей дышит», и поведет вас к дому, где собирался когда-то революционный кружок марксистов во главе с И. Дубровинским, ближайшим соратником Ленина, покажет гимназию, где учились Н. С. Лесков, П. И. Якушкин, Л. Н. Андреев, П. К. Штернберг, В. А. Русанов, Г. Г. Мясоедов, В. А. Басов, и добавит при этом непременно: «Любой город мира считал бы для себя честью быть их родиной».

Но любят орловцы свой город не тихой, идилличной любовью. Каждодневно они делают все, чтобы Орел был красивее, богаче, культурнее. Это их руками возведена красивейшая библиотека имени Крупской, крупнейший завод в Европе — сталепрокатный, часовой завод, завод приборов, «Химтекстильмаш», «Дормаш» и другие. Их руками строится большой драматический театр имени Тургенева, больницы, детские сады, училища...

Чистое осеннее небо сейчас над моим Орлом. И только стаи птиц, как пунктирные линии, перечеркивают это небо. Последние птицы улетают на юг. Но орлы никогда не покидают своих гнездовий. А мой город — Орел. Гнездовье его — сердце России...

И. РЫЖОВ

ПИСЬМА ЧИТА

Трудно перечислить имена корреспондентов Тургенева, письма которых опубликованы. Их очень много. Но есть целая серия писем, обращенных к Тургеневу, которые еще не опубликованы. Ответы писателя на эти письма не сохранились, а может быть, их и не было; имена корреспондентов не оставили следа в истории, но содержание писем представляет интерес, и о них хочется рассказать.

Читая эти письма, еще раз убеждаешься, какой большой и разносторонней популярностью пользовался писатель при жизни. Как много людей обращалось к нему за помощью, и не только материальной. Просто ему верили, его любили и уважали, его слово многим казалось законом. Приведем выдержки некоторых из этих писем.

Мы знаем, что Тургенев помогал русским эмигрантам в Париже; устраивал в их пользу литературные вечера, в которых часто сам принимал участие, основал для них русскую библиотеку, хлопотал о разрешении вернуться на родину.

Один из таких подопечных Тургенева, Н. С. Мазченко, получив разрешение вернуться на родину, написал ему следующее письмо:

«30 ноября 80. Женева.

Многоуважаемый Иван Сергеевич,

Сегодня один из моих товарищей-эмигрантов, известный Вам Н. Иванов уведомил меня об ответе, полученном Вами от гр. Лорис-Меликова[1].

Принося Вам, многоуважаемый Иван Сергеевич, свою искреннюю благодарность за то участие, которое Вы приняли в моем деле, и только благодаря которому, как мне кажется, я могу рассчитывать на вполне безопасное возвращение на родину, я осмеливаюсь обратиться к Вам еще с одной просьбой. Я просил бы (конечно, если это не затруднит Вас, многоуважаемый Иван Сергеевич) прислать мне Вашу собственноручную копию с письма гр. Лорис-Меликова.— Иметь такую копию для меня очень важно как при переговорах с посольством о выдаче мне какой-либо бумаги, которая могла бы заменить заграничн(ый) паспорт, так и во время не особенно приятных (предчувствую наперед) общений с Киевским жандармским управлением.— Ваша собственноручная копия будет иметь в данном случае значение подлинного документа, на который мне, быть может, придется ссылаться,— если жандармское управление станет угрожать административной высылкой...»

Да, видимо, велика была вера во всемогущество Тургенева, если на один его почерк возлагались столь серьезные надежды!

А вот письмо, написанное уже под конец жизни Тургенева, 22 декабря 1882 г., человеком, не открывшим свое имя, чтобы не показаться писателю навязчивым, не затруднить его ответом. Оно привлекает искренним чувством, какой-то поистине самозабвенной любовью к Тургеневу и тоже верой в его политическое значение, в то, что слово писателя может повлиять на государственные дела, что в его поддержке нуждается даже сам царь. Цитируем это письмо тоже с некоторыми пропусками:

«Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Лет двенадцать — пятнадцать (назад) был я студентом Петербургского университета, был на последнем курсе, когда со мной произошла неприятность, тогда заставившая меня много и глубоко страдать — был я молод — очень самолюбив и тут вышло столкновение с кружком товарищей из-за женской сплетни (...). Меня вылечили Вы,— Ваши сочинения. Зачитывался я ими и просто благоговел пред Вашей душой и талантом и умом, но главное пред этой теплой чуткой душой — чуткой и отзывчивой.

У меня в деревне (...) была сосенка, привезенная, честнейшее слово, мной и женой из Вашего Мценского имения — Спасское, кажется.— Мы туда ездили из Мценска(...) чтобы погулять по саду и посмотреть дом Ваш и выкрали маленькую сосенку, привезли, посадили, ухаживали за ней(...) Да, вот что, Иван Сергеевич,— мимолетно Вы видели и меня и жену — это было в Художественном клубе, еще в Троицком д. 6 переулке, да, в Художественном клубе.— Вы или должны были читать на литературном вечере и вошли в залу раньше, чем Ваша очередь была, или же это была лекция какая-то (чуть ли не Сеченова проф.) и Вы неожиданно вошли — факт только тот, что вся публика как один человек встала пред Вами, начались глубоко, глубоко искренние и восторженные крики — так что, помню, Вы даже немного растерялись и очень удивились (не был ли даже это первый прием Ваш) (...) Честное слово руку Вашу поцеловал бы — кабы не боялся, что за сумасшедшего сочтут — помню, именно я — это жене сказал тогда (...)

Что бы Вам об наших внутренних порядках, Иван Сергеевич, громкое слово сказать?— Хоть бы напр. в пользу расширения прав земства,— а не хотите сказать — так хоть бы письмом помогли,— что бы напр. нашему растерявшемуся и голову потерявшему молодому хозяину (России)[2] дружески написать, он в сущности, говорят, хороший и не глупый человек».

Мы видим, что автор письма далек от раболепного преклонения перед монаршим авторитетом.

Много читательских писем содержат отзывы на произведения Тургенева.

Вот письмо от Райс, без указания года, рассказывающее о впечатлении от произведений Тургенева:

«22 апреля.

Пожалуйста, прочтите до конца мое письмо. Иначе Вы не поймете, почему я осмеливаюсь вторым письмом беспокоить Вас. Не бросьте на половине. Я не стану размазывать, в немногих словах постараюсь объяснить все. Мне было 10 лет, когда я в первый раз прочла некоторые из Ваших сочинений. Чем они мне тогда понравились — не помню, но только я учила наизусть целые страницы. «Бежин луг» я и теперь могу передать почти слово в слово. При переходе в старший класс для меня выяснилось Ваше значение в нашей литературе. Я стала понимать Вас, и Ваше влияние на меня возросло.

До 16 лет я была отчаянная: ленивая до безобразия, упрямая, дерзкая, даже злая (...), и вдруг я пожелала быть хорошей. Я пожелала походить на Вашу Лизу. За желанием явилось старание. Лиза сделалась моим руководителем на пути моего самоисправления. Сначала очень трудно было. Бывало, весь платок изорвешь в клочки, губы искусаешь до крови, но зато теперь, хотя мне далеко еще до Вашей Лизы, тем не менее мои родные не могут пожаловаться на меня. Ни платки, ни губы мои более не страдают от приливов злости. В тяжелые минуты я вспоминаю Лизу, и мои неприятности кажутся мне тогда ничтожной мелочью в сравнении с ее подвигом — отречением от собственного счастья ради идеи долга. Для меня это самый высокий подвиг(...) Благодаря Вашему таланту, во мне явились некоторые качества, которые тщетно старались привить но мне мои воспитатели(...). Мое(...) развитие состоялось исключительно под Вашим влиянием(...) Вы — любимый писатель большинства(...)».

Конечно, письма молодого поколения были Тургеневу особенно интересны и дороги.

Познакомимся еще с одним. Пишет студент филологического факультета Московского университета Е. Ф. Шнейдер. Письмо не датировано.

«Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Странная, неотвязчивая мысль стала преследовать меня несколько дней, мне, человеку Вам неизвестному, пришло в голову написать Вам письмо и поделиться теми чувствами, которыми переполнен к Вам. Много теплого, живого сочувствия встречали Вы от русской учащей и учащейся молодежи везде, где появлялись в Ваше недавнее пребывание в России(...) Легко было заметить, что и в Вас загоралось ответное чувство, что в Вашем сердце есть отзвук этим бьющимся неподдельной к Вам любовью сердцам. И мне посчастливилось видеть Вас и пережить минуты чудного душевного движения, которое, подобно электрической искре, охватывает человека, при виде того, с кем давно слился, кого привык считать своим родным, кому обязан многими отрадными минутами жизни и благотворным нравственным влиянием(...) Читать я начал Ваши произведения с 14 лет и перечитываю их до сих пор (мне недавно минул 21 год) (...) 4-й том, где помещены «Дворянское гнездо» и «Накануне», у меня положено перечитывать каждый год(...). Когда я читаю Ваши произведения, то многие места действуют так сильно, что я чувствую дрожание в голосе и слезы готовы выступить. Откроешь иногда случайно страницу и на многие, многие думы наведет она: станешь вдумываться в свое положение, от себя перейдешь к окружающим, а затем пустишься в размышления обо всем человеческом: сам проникаешься здравой, общепонятной философией, которой проникнуты многие страницы Ваших произведений (...). Такие описания, которые мы находим в «Дворянском гнезде», «Накануне», «Дыме», «Вешних водах» (первые страницы) встречаются только у Вас: такого верного психологического анализа не дает Лев Толстой, хоть и провозглашают его лучшим современным аналитиком. Сердца много у Вас, Иван Сергеевич, сердцем веет от каждой Вашей строчки: это сердце и чарует Ваших читателей, оно обеспечивает за Вашими произведениями века бессмертия, быть может, не в одной России(...)».

И в заключение хочется привести строки еще одного письма, автор которого также решил остаться неизвестным, очевидно, тоже не желая показаться Тургеневу навязчивым. Оно написано в год смерти писателя. Вся читающая Россия со страхом, надеждой и глубоким сочувствием следила за состоянием здоровья Тургенева. Чтобы не тревожить его, в газетах очень редко сообщалось истинное положение дел. Но слухи о его тяжелом состоянии проникали, и многие почитатели таланта Тургенева решались высказывать свои чувства к нему в письмах, возможно, предвидя близость неизбежного конца.

«Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Не посмейтесь надо мной, прочтите эти строки. На днях я опять стала перечитывать Ваши сочинения (мне попались «Яков Пасынков», «Рудин» и др.). И этот раз, как и прежде, это чтение доставило мне большое наслаждение; каждое слово дышит такой поэзией, такой правдой, так и просится в душу, точно сама живешь в этом

[1] Министр внутренних дел.

[2] Имеется в виду Александр III.

Ни один из русских писателей-классиков девятнадцатого века не пользовался у передовых современников столь заслуженно почитаемой политической репутацией, как Тургенев.

Презирая окружавший его с колыбели лютый произвол бар-крепостников, он дал «аннибаловскую клятву» — всеми силами бороться с крепостным правом — «и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить».

Слово не расходилось у него с делом. Задолго до «освободительной» реформы став землевладельцем, Тургенев немедленно отпускает дворовых на волю, остальным крестьянам предоставляет фонд значительных льгот, вникает во все их житейские дела, нужды, затем всячески содействует успеху освобождения.

В годы николаевской реакции, душившей всякую живую мысль, необычайно сильным оказался политический резонанс антикрепостнических, подлинно народных «Записок охотника». Из-за них и короткой, вполне невинного содержания некрологической заметки о Гоголе подвергается месячному аресту, с последующей полуторагодичной высылкой в деревню «под присмотр». Тургенев и далее не складывает своего идейного оружия. «Непримиримый враг цепей и верный друг народа» — так с полным основанием назвал его другой страстный поборник возвышенных идеалов — Некрасов. Их единомышленниками и друзьями были тогда Белинский, Грановский, Герцен, Огарев, другие лучшие русские люди.

Предельно скромный, обычно умалявший свой талант и заслуги перед обществом, Иван Сергеевич неизменно считал себя либералом 40-х годов, «постепеновцем», далеким от мысли о каких-либо коренных, идущих «не сверху» социальных преобразованиях в России. Наряду с тем он еще в молодости

ТЕЛЕЙ

хорошем мире. Теперь так редко приходится читать или слышать о чем-нибудь хорошем, так все прозаично — так холодно, и в 20 лет это тяжело. Почитаешь что-нибудь из Ваших сочинений, отогреешься — на душе станет светло и опять как-то верится в возможность прекрасного и идеального на земле.

Вот это только мне хотелось Вам сказать.

Н.

Январь 1883 г.

С. Петербург.

От всей души желаю Вам облегчения Ваших страданий...»

Мы привели только несколько писем из великого множества полученной Тургеневым корреспонденции. Написанные под влиянием любви и доверия к своему писателю, часто безымянные, они свидетельствуют сами за себя и не нуждаются в комментариях.

ПИСЬМО М. В. и О. В. БЕЛИНСКИХ к И. С. ТУРГЕНЕВУ

С Белинским Тургенев познакомился в Петербурге в середине февраля 1843 г. Это знакомство быстро перешло во взаимную симпатию и дружбу. «Я полюбил его искренно и глубоко; он благоволил ко мне»,— писал впоследствии Тургенев в своих «Воспоминаниях о Белинском» (1868 г.).

Когда летом 1847 г. Белинский, страдающий туберкулезом легких, по совету врачей поехал лечиться за границу, Тургенев, будучи в это время в Берлине, вызвался встретить и сопровождать его. Сохранилось письмо Тургенева к жене Белинского, Марии Васильевне, от 10 (22) мая 1847 г., в котором писатель извещал ее о приезде Белинского: «Вы можете теперь быть совершенно покойны на его счет; я его беру на свое попечение и отвечаю Вам за него своей головой».

В это лето Тургенев провел вместе с Белинским около двух месяцев, с 10(22) мая до начала июля ст. ст., выехав вместе с ним из Берлина сначала в Дрезден, а затем в Зальцбрунн. Лечение Белинского за границей, в котором Тургенев принимал такое большое участие, оказало положительное действие, больному стало лучше. Но с начала нового года состояние здоровья Белинского, безнадежно подорванное непосильной, многолетней работой, нуждой и заботами, вновь ухудшилось, и 26 мая (7 июня) 1848 г. он умер.

Дальнейшие взаимоотношения Тургенева с семьей Белинского сводились к денежным делам между ним и вдовой Белинского (Тургенев купил у нее библиотеку мужа).

Переписка же Тургенева с самой М. В. Белинской после смерти ее мужа не сохранилась, хотя есть упоминания о том, что эта переписка существовала.

Поэтому тем ценнее сохранившееся в Парижской Национальной библиотеке письмо М. В. Белинской с припиской 7-летней Ольги Белинской к Тургеневу.

Письмо датировано 19 октября ст. ст. 1852 г.

«Мне очень приятно было получить от вас, Иван Сергеевич, известие [1], и еще приятнее узнать, что вы нынешней осенью чувствуете себя лучше, нежели прошлый год, верно деревенский воздух вам полезнее городского [2]. Мы живем довольно хорошо и было бы еще лучше, если б не нездоровье всех нас вообще, а мое в особенности. Ольга растет не по дням, а по часам, принимает теперь тресковый жир потому, что вот уж скоро будет три месяца, как она першит, немножко учится, много играет и резвится, а к вам чувствует сильнейшую симпатию: собиралась идти за вас замуж и находила в вас самым большим достоинством то, что вы ловко умеете носить ее на руках, но теперь идти за вас замуж отдумала, и хочет только побывать у вас в Спасском, чтоб вас проведать, как говорит она. Что касается до фортопьян, за которые я вам очень благодарна, то вы напрасно извиняетесь: если б вы их прислали и раньше, я бы Ольгу не начала учить прежде зимы.

Сестра [3] как вам, так и всем вашим очень кланяется; поклонитесь от меня Тютчевым [4], т. е. всему семейству.

Будьте здоровы и веселы и приезжайте поскорее в Москву.

Преданная вам

Марья Белинская».

На обороте детским почерком:

«Мне давно хотелось писать к вам, Тургенев, и попросить вас прислать мне по городской почте в кулечке живого зайчика или жеребенка, но мама не позволила. Приезжайте поскорее в Москву [5]. Мне очень хочется вас видеть, я вас крепко люблю и целую.

Ольга Белинская».

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.

[2] В это время Тургенев находился в ссылке в своем имении Спасское, куда он был выслан в мае 1852 г. за свою некрологическую статью о Гоголе.

[3] Аграфена Васильевна Орлова.

[4] Николай Николаевич Тютчев в 1852—1853 гг. был управляющим имениями Тургенева и жил в Спасском вместе со своей женой Анной Петровной Тютчевой.

[5] Тургенев получил разрешение выехать из Спасского в ноябре 1853 г.

Публикации подготовила
Н. ХМЕЛЕВСКАЯ

Полина Виардо. Портрет работы К. Брюллова.

ВЕРНОСТЬ

Ивану Сергеевичу Тургеневу исполнилось двадцать пять лет, когда он, в первый русский сезон знаменитой французской певицы Полины Виардо, стал одним из самых восторженных ее поклонников. Знакомство их, состоявшееся тогда же, превратилось в дружбу; дружба длилась сорок лет и была прервана смертью великого писателя.

Почти все эти годы Тургенев жил за границей, неподалеку или даже в одном доме с семейством Виардо — в Баден-Бадене, Париже, Буживале. Дом семьи Виардо, особенно на улице Дуэ, 50, часто становился своеобразным русским уголком, который посещали давние и новые русские друзья. На домашних концертах Виардо пела чаще всего «Нет, только тот, кто знал», конечно, по-русски; здесь прослушивались последние музыкальные новинки из России («Евгений Онегин», в фортепианном исполнении самой Виардо, музыка Бородина и Кюи). Сама Виардо сочинила множество романсов на слова Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Кольцова, Тургенева — по совету и выбору Ивана Сергеевича. Несколько таких музыкальных альбомов было лично издано им в Петербурге; а когда он скончался, Виардо очень много сделала для увековечения его памяти именно в России.

Желанный русский гость Виардо в Париже П. И. Чайковский писал в 1886 году Н. Ф. Фон-Мекк: «Виардо не только часто вспоминает И. С. Тургенева, но почти все время мы о нем говорили, и она подробно рассказывала, как они вместе писали «Песнь торжествующей любви».

Ник. АЛЕКСЕЕВ

безошибочно предвидел, что «в русском человеке таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития».

Но в основном верная самооценка писателя явно противоречила его многогранной деятельности, в сущности, направленной против абсолютизма. Это убедительно подтверждается множеством фактов.

Примечательно, что даже на чужбине Тургенев никогда не оставался в стороне от общественно-политической жизни, пристально наблюдаемой им с прогрессивных и критических позиций. Так, например, в 1848 году, приехав в Брюссель и узнав о правительственном перевороте во Франции, он тотчас же возвращается в Париж. Очевидец революционных событий, Тургенев впоследствии запечатлел их в очерке «Наши послали!», где особенно тепло обрисовал одного из «блузников». Недавно опубликованный «Литературным наследством» документ свидетельствует о серьезной заинтересованности Тургенева всем происходившим во французской столице в июньские дни. Можно полагать, что под теми же незабываемыми впечатлениями написан и эпилог романа «Рудин», в котором герой во имя идеи гибнет на баррикадах в чужой стране...

Тургенев был постоянным подписчиком лавровского издания «Вперед!», который поддерживал ежегодным солидным взносом. «Это бьет по правительству, и я готов помочь, чем могу»,— говорил Иван Сергеевич. Известно, какая шумиха поднялась вокруг сообщения П. Лаврова, напечатанного им во французской газете после смерти писателя: «Во всех словах Тургенева высказывались ненависть к правительственному гнету и сочувствие всякой попытке бороться против него».

Друг К. Маркса, первый русский переводчик части «Капитала» Герман Лопатин, высоко почитавший Тургенева и им любимый, также отзывался о нем как об убежденном противнике деспотизма, искреннем стороннике политической свободы, приветствовавшем каждую попытку выступления в ее защиту. «Тургенев всегда относился с самым горячим сочувствием ко всякой самоотверженной борьбе с ненавистным ему самодержавием и всегда был готов помочь участникам в этой борьбе всем, что он считал совместимым с собственным самосохранением, не разбирая при этом тех программ и знамен, под которыми сражались эти люди...».

Красноречивый штрих: разведав в Петербурге, что Лопатину грозит неминуемый арест, Иван Сергеевич умолял его спешно уехать. А когда тот, не успев скрыться, был репрессирован, измышляет способы к его освобождению... Думается, что, храня до самой своей кончины дружбу с П. Лавровым и Г. Лопатиным, Тургенев не мог не знать и о гениальных трудах близких с ними К. Маркса и Ф. Энгельса. (Кстати, небольшое письмо Г. Лопатина на смерть Тургенева помещено в английской газете «Daily News» при содействии дочери К. Маркса Элеоноры Маркс и ею же отредактировано.)

Мнение П. Лаврова о Тургеневе уместно дополнить словами его современника, революционера-писателя П. Якубовича (Мельшин). В своей прокламации, распространявшейся в Петербурге в день поистине народных похорон Тургенева, он писал: «Тургенев, быть может, бессознательно для самого себя, своим чутким и любящим сердцем сочувствовал и даже служил русской революции»...

И с ним нельзя не согласиться.

Н. ЗЛОТНИКОВА

Леонид САПРОНОВ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Она проснулась от сварливого сорочьего треска. Женщина лежала на боку, подогнув колени, по ее голой ноге ползал комар, в щеку вдавились сухие былки. Солнце пробивало косынку, пронизывало веки, оранжевой пеленой застилало глаза.

Сдернув с лица платок, женщина приподнялась на локте и окончательно пришла в себя. Жара схлынула, мягко шелестела и волновалась березовая листва, от мерцания света и тени рябило вокруг. Все так же обиженно и крикливо стрекотала сорока, перелетая с одной макушки на другую, унося с дерева на дерево свой длинный, прямой, как школьная линейка, хвост. За ней неотступно следовал, крался между стволами шустрый мальчонка в просторной рубахе навыпуск. Высматривая добычу, он то бесшумно скользил по траве, то сгоряча продирался сквозь ветки, то замирал, как гончая на дичь, и вытягивал шею.

— Ты зачем озоруешь?— одернула его Александра.— Не тронь птицу!

Хлопец вздрогнул, рыская взглядом, наткнулся на женщину и понурился.

— А чего она голосит?— оправдывался он.

— Я вот тебя погоняю, пока не взмокнешь, и ты заголосишь!

Зыркнув на нее исподлобья, мальчишка круто повернулся и, позабыв про сороку, вприпрыжку помчался по лесу. Потом он остановился и звонко, на всю рощу огласил:

— Теть Сань, у вас гости! Из города! На «Москвиче»!

Он снова сорвался с места и скоро исчез в зеленом омуте оврага.

Александра проворно вскочила, шалашом надвинула на лоб косынку, вскинула на плечо сточенную до узкого сабельного клинка литовку и заторопилась к деревне.

«Кого это принесло?— терялась она в догадках, прибавляя ходу.— Ужели Костю?»

Нагие стволы берез понемногу отстали, сверху надвинулся, укрыл ее прохладный сумрак сосняка. Тишина была величавой, как в храме, а впереди уже сквозило в чащобе набирающее привычный цвет после полуденного зноя небо, стали попадаться оплывшие края окопов, заполненные черной, вязкой, как деготь, водой.

Внизу, в деревне, возле избы и впрямь стоял, уткнувшись носом в колодец, ярко-вишневый «Москвич». Оттуда навстречу Александре мчался, сверкая коленками, быстрый и легкий комочек — дочь. Лелька. С разбегу она влетела на мать, впилась в нее худыми ручонками, повисла, взбрыкивая пятками и весело повизгивая.

— Ну-ну,— ворчливо, с затаенной теплотой осаживала ее женщина, отводя косье в сторону.— Гляди, упадешь...

— К нам дядь Костя приехал,— задыхаясь от быстрого бега, выпалила девочка.— Конфет привез. Сулилси на станцию прокатить.

Она соскользнула наземь, вцепилась в материнский подол и, не отпуская его, повела Александру к своему двору.

С крыльца спустился рослый, остриженный под ежик мужчина лет тридцати.

— Здравствуйте, Саня,— сказал он, широко улыбаясь.

Машинально она подала ему одеревеневшую руку. Под его пристальным взором Александра опустила глаза и неожиданно обнаружила, как темна и жестка ее исполосованная порезами ладонь, до чего уродливы зазубренные, с жирными полосками грязи под ними ногти. Едва мужчина разжал пальцы, она поспешно отдернула руку и сунула ее за спину.

— Трудимся?— спросил он, продолжая улыбаться.

— Косила вот с мужиками отаву, прилегла с устатку да и вздремнула,— объяснила она, осваиваясь с ладным покроем его костюма, тугими складками на брюках, модными, спокойного рисунка носками. Наметанным, хозяйским оком Саня сразу приметила и мятые, не глаженные после стирки полы белой рубашки под пиджаком и выглянувший из-под переливчатого галстука обломок чересчур крупной зеленой пуговицы.

— Намаялись, наверно,— сочувственно проговорил он.

— Да мы привычные. Больше-то некому. Зима, она спросит, куда лето делось.

— Конечно, конечно,— торопливо согласился мужчина.

Не зная, что говорить, Александра молча стояла перед ним, соображая, когда же он был у них в последний раз. Кажись, давно, еще на похоронах мужа. В аккурат два года прошло, как попал Митя под трактор, а потом Костя и не показывался. Раньше-то гостил часто: дружили они с Митей с тех самых пор, когда муж в школе механизации учился. Неизвестно, кто их там, в городе, свел, а только привязались они друг к дружке, любили покалякать вдвоем. Костя с охотой наезжал проведать товарища да порыбалить: сначала — на трескучем мотоцикле, позднее — на собственном «Москвиче». Целыми днями пропадал на берегу в одних трусах, таких тесных и куцых, что односельчане с неодобрением косились на них. А подвыпьет, бывало, расчувствуется за столом и все пялится на Александру, задумчиво и загадочно...

Змей-Горыныч

Рассказ

— Я к вам ненадолго,— сказал Костя, с удовольствием озирая притрушенный соломой двор, опрокинутые вверх дном крынки на заборе, огненногривого петуха.

— Что так?— встрепенулась Александра.— Куда спешить-то? Гуляйте, сколько душа пожелает.

— А я вас не стесню?

— Скажете тоже! Простору на десятерых хватит. Проголодались, небось?

— Не беспокойтесь, я сыт.

— Ну все одно. С нами, за компанию. Я мигом!

Она сняла с плеча косу, оставила ее в сенцах и, потирая поясницу, вошла в избу.

— Справилась?— спросила Прокофьевна.

— Да вроде,— нехотя ответила Александра, присаживаясь на стул.— Осталось свезти.

— А этот чего явился?— понизила голос свекровь.

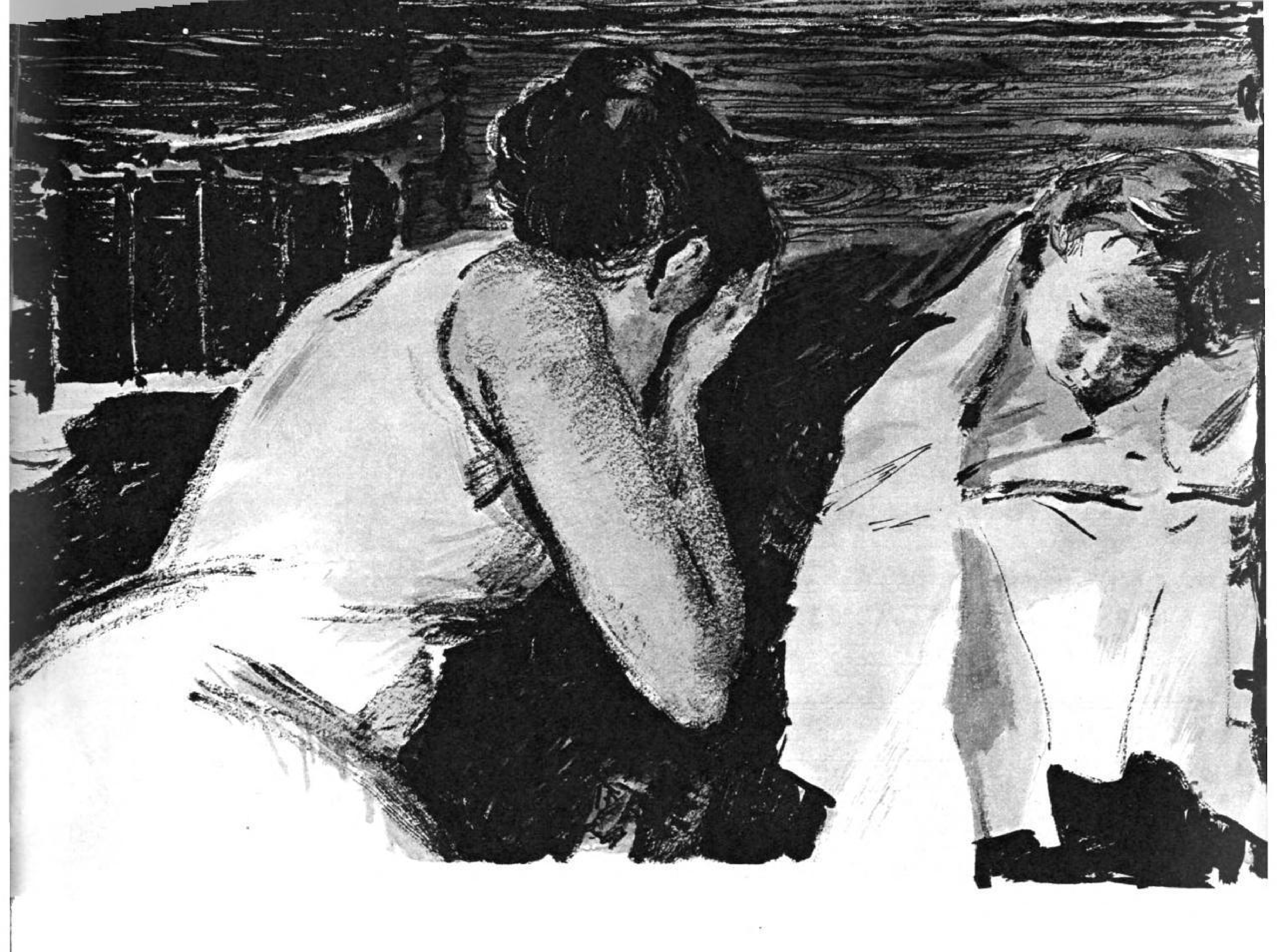
— Почем я знаю? У него и пытайте.

— Чует мое сердце, за тобой примчался.

— Уж вы скажете,— недовольно возразила Саня.

Не разгибаясь, Прокофьевна с трудом поднялась со скамьи, привычно обхватила живот, подошла к невестке.

— Помяни мое слово, за тобой. Выспраши-

вал давеча, как живем, не бедствуем ли, тобой интересовался, узнавал, не нашла ли пару. Добрая, говорит, женщина, из себя видная, и работница, и хозяйка. Мне бы, молвил, такую. И насчет города намекнул. Надо вам, говорит, подаваться отсюдова... А ты, девка, не прыгай, не ломайся, коли позовет. Нашелся добрый человек — дак уж не фордыбачь. Может, хоть хату покроет...

— Да будет вам...

— Я дело говорю. Ты, Лександра, поласковей с ним. Оденься получше, угости, как положено. Малый он смирный, уважительный, с понятием. На меня не оглядывайся, мне уж и на смертную постель пора. А тебе вон сколько одной мыкаться.

— Ну, заладили...

— А ты носом-то не крути. Нюшка наша определилась в городе — и горя не знает. Разоделась, что твоя барыня... Чего оскаляешься?

— Нюшка привиделась,— отозвалась Александра.

Прокофьевна насупила брови, придерживая большой живот, поплыла к выходу.

А Саня перебирала подробности прошлогоднего спора. Конечно, погорячилась она тогда, выкинула такое, что и сейчас совестно. Подбили ее на озорство неправедные речи. А все Нюшка, мужняя сестра. Приехала она к ним и давай привередничать: одно ей не так, другое не по ней... Ввалилась, сухая, закопченная, в узком сарафане, как стреноженная лошадь, кудри ломкие, будто иссечены градом, а красны — ну чистая медь.

— Ах-ах,— протянула нараспев Александра, не сразу признав в ней золовку.— Ай, обгорела?

Нюшка так и прыснула.

— Ой, не могу! Вот дикари! Мода теперь такая, понятно? Самый ходовой цвет.

...С первого дня начала стыдить да указывать: не умеете жить, не любите готовить, ничем не интересуетесь, и грязь, мол, у вас, и навозом воняет, и мухи не выводятся.

Сначала Александра сносила ее попреки молча, но затем стала обороняться. А Нюшка, не слушая ее, наступала: дескать, неряхи вы да распустехи, в старухи записались, издаля углядишь — деревенщина.

И Александра не выдержала, метнулась к золовке, сердито потребовала:

— Скидавай свои тряпки! Живо!

И, где шутя, где силой, разоблачила Нюшку, с грехом пополам сдернула с нее атласные дамские премудрости, сбросила с себя сорочку и, надвигаясь на золовку, задорно приговаривала:

— Ну-кось, прикинем, кто из нас в соку, а кого — на мясозаготовки!

Та отбивалась, отворачивалась, а Саня, подбоченясь, сознавая собственное превосходство, оттирала Нюшку от одежды и заливисто хохотала.

— То-то!— торжествуя победу, сказала наконец она.— Наперед не замай.

Александра опять усмехнулась и лишь теперь уяснила, что замешкалась в избе и сидит на стуле в чем была. Она вздохнула, сдернула с волос запыленную косынку, неохотно поднялась с места, плеснула в таз воды, отнесла его за шкаф и с ожесточением принялась тереть ладони камнем.

— Давно бы эдак,— встретила ее за порогом Прокофьевна, ревниво оглядывая выходное, с просторным выкатом платье невестки, ее постройневшую стать.— Ступай, займи кавалера, я здесь и сама управлюсь.

Александра пропустила ее совет мимо ушей, спрятала за пазуху красненькую, суховато произнесла:

— Схожу за вином.

Выйдя за дверь, она пожалела, что послушала свекруху. Чистая, пропахшая мылом, в скрипучих туфлях, шелковых чулках и тесном в талии платье, она казалась себе похожей на тугую, скользкую рыбину, выброшенную на берег. И угораздило же ее, детную да вдовую, вырядиться в будний день... Не рано ли заневестилась?

Чтобы не встречаться с Костей, она спустилась в сад и по меже выбралась на улицу.

Скошенный луг облысел и ощетинился, навевая думы о близкой зиме, глубоком снеге, морозах, от слабого ветра шевелились на нем седые комочки гусиного пуха. Сверкала на воде серебристая чешуя, у самой реки ударил в ноздри едкий запах скотины — выше по течению с утра до ночи барахтались в прибрежном иле колхозные свиньи.

Перед мостом Александру догнал «Москвич». Пружинисто колыхая, он поравнялся с ней и остановился.

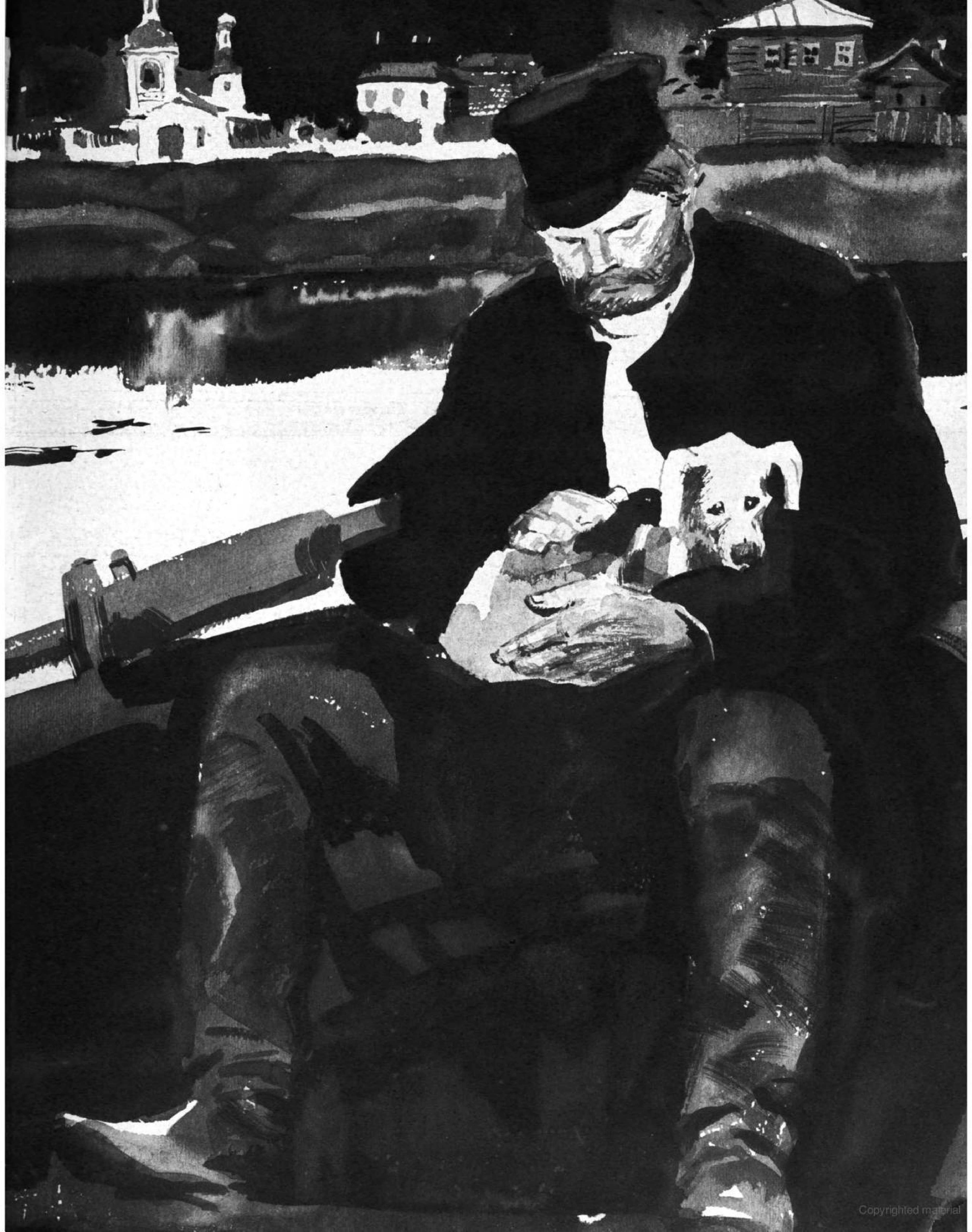
— Что ж вы пешком?— донесся из машины Костин голос.

— Да тут недалеко...
— Какая разница? Легче ведь подъехать.
Он распахнул дверку и выглянул наружу.
— О!— вырвалось у него.— Вас и не узнать...
Его взгляд на мгновение ослепил ее, ожег давно забытым волнением, пронзил острой, до слабости в коленках радостью. Оглушенная бурными толчками под сердцем, растерянная, поглупевшая, она прикусила язык. Костя и правда за ней приехал... Прежде чем он объяснился, она угадала его мысли, в победном озарении испытала превосходство над человеком, который от нее зависел. На секунду ее потянуло прислониться к нему, припасть к его плечу — пускай утешит. Не вековать же век одной...
Александра овладела собой, равнодушно сказала:
— Так я пойду...
— Нет-нет!— встревожился Костя.— Садитесь.
Она пригнулась, неловко влезла в машину, поспешно одернула подол.
— Прямо?— спросил он.
Автомобиль всполз на мост, бревна заскрипели, застучали под скатами, западая под ними, точно клавиши под пальцами музыканта, раскачивался на ниточке подвешенный возле стекла тряпичный клоун. Костя вел машину без напряжения, слегка придерживая руль, изредка посматривая на Александру.
— Не укачивает?— заботливо спросил он.
— Нисколечки. Нам сюда,— сказала Саня, указывая на кирпичный, крытый шифером дом.— Приехали.
Когда она, прижимая к себе обернутые газетой бутылки, вернулась к машине, Костя укоризненно сказал:
— Зачем вы купили? Стоило ли беспокоиться?
Он помог ей сесть, устроился рядом и завел мотор.
Поджарая, с лисьей мордой собака, надрываясь от лая, бросилась за «Москвичом», но вскоре исчезла в густой завесе пыли, сквозь которую грязным желтком еле брезжило солнце. Отсюда, с высоты кабины, деревня представлялась совсем другой. Она словно поубавилась в размерах, сплотилась кучней, а избы стали короче и приземистей. Александра взирала на них, как с вышки, и жалела, что не взяла с собой Лельку. Но потом промелькнула у стекла вытянутая шея и сморщенные, осуждающие, поджатые губы старухи Карповны, и Саня сразу сникла.
— Ну вот, а вы хотели пешком,— заговорил Костя, довольный собой.
Он придержал тряпичную куклу, замедляя качку, и признался:
— Тянет меня в село. Больше двадцати лет прошло, как покинул, а забыть не могу.
— Вернулись бы,— подсказала Александра.
— Теперь уж поздно. Отвык.
Он покосился на нее и негромко добавил:
— А от вас молоком пахнет. Парным. Молоком, соломенным чадом... Честное слово! Вы-то, конечно, не замечаете, а я слышу...
И совсем тихо произнес:
— Я ведь за вами приехал...
— Как это?
— А так. Пойдете за меня?
— Шутите...
— Ничуть!
— Боюсь, не угнаться мне за городскими.
— И не надо и незачем! — обрадовался Костя.— Оставайтесь какая есть. Этим и нравитесь.
— Ох, не знаю. Хвост у меня больно длинен...
Костя огорченно примолк, плавно развернул машину и затормозил в нескольких шагах от Лельки и незнакомого мужчины.
— Явились, гостюшки,— притворным ворчанием встретила их девочка.— А мы истомились, вас дожидаючи. Стынут картохи-то...
Она наткнулась на лукавый Костин взгляд, смутилась и юркнула за спину матери. Костя последовал за ней, вздернул, чтобы не измять, брюки повыше, присел на корточки.
— Пойдешь со мной на рыбалку, курносая?
Лелька потупилась и судорожно кивнула.
«А он все такой же,— подумала Саня.— Страсть как охоч до бедной рыбешки. Ее, бывалыча, и девать некуда, а он знай себе загребает. Настырный...»

— Ты где, сосед, благоверную потерял? — обратилась она к мужчине примерно одного с Костей возраста.
— Бригадир увел. Загорелось ему кормозапарку ладить. Аль не знаешь, какие в вашей роте порядки?
Смуглый, в замасленной фуражке блином и сандалиях на босу ногу, он поддернул повыше ремень гармони, поймал Костю за рукав и словоохотливо пояснил:
— Всякие у нас имеются специалисты: и доярки, и птичницы, и механизаторы. А есть еще никакие — семнадцатая рота. Каждой бочке затычка. Вот и супруга моя с Александрой в ней числятся.
— Пожалуйте в хату,— объявила с крыльца Прокофьевна.
Костя посторонился, пропустил Саню, вслед за Лелькой поднялся в сенцы.
— Кыш, проклятущие!— услышал он сдавленный окрик молодой хозяйки, и тотчас мимо него ринулись к выходу цыплята.
— Замучили, окаянные,— виновато проговорила Александра, отступая перед ним в глубину горницы.— Погибели на них нету... Ох, да что ж мы стоим?— спохватилась она.— Прошу к столу.
Косте досталось место у раскрытого окна. Слева от него устроилась Александра, справа вскарабкалась на стул Лелька. Худенькая, с острыми локотками, с воткнутым в белесые волосенки, выставленным по здешней моде напоказ гребешком, она с любопытством наблюдала за людьми.
Сосед уложил гармонь на кровать, снял кепку, пригладил пятерней волосы и, недолго думая, принялся наполнять стаканы.
— За встречу!— сказала Александра со значением.
— Погнали!— поддержал ее сосед.
Единым махом он выплеснул в рот свою порцию, за ним пригубила и Саня.
— А вы ешьте, ешьте,— минуту спустя сказала она Косте.— Отведайте свежего, непокупного.
Медленно смеркалось, смутно мерцал в полутьме чеканный оклад иконы. Прокофьевна включила свет, и сразу вспыхнули белым огнем кружевные подзоры кровати, засияли глянцем припечатанные к зеркалу красочные консервные наклейки. В окно влетел мотылек, закружился вокруг лампочки, заметалась, затрепетала по стенам мохнатая тень.
— Кушайте на здоровье,— приговаривала Прокофьевна, суетясь у стола в своих срезанных по самую щиколотку валенках, подавая то вилку, то нож, то рушник.
— Старается бабушка,— негромко заметил Костя.
— Вам угодить хочет,— отозвалась Александра.
— Крепкая женщина.
— Не очень. Мается животом. Шишка у нее, с кулак будет. Вступит ей под ребро — ни повернуться, ни вздохнуть. А в больницу не затянешь — боится, зарежут.
Саня усмехнулась.
— Бабушка у нас больше на лекарства налегает. Кому что ни пропишут, обязательно пробу снимет. А еще селедочку уважает. Ну и купишь иногда побаловаться...
Опять Костя любовался ею, и вновь Александру озарило сознание собственной власти над ним: мой! Что хочу, то и сделаю... Взволнованная необычным ощущением, она, как в сказке, как во сне, вдруг перенеслась далеко-далеко, очутилась на гладком городском асфальте, в туфлях на тоненьком — не сломить бы!— каблучке, в сиреневой, с кистями и шнурком, как у Любки-операторши, шерстяной кофте. Будто вел ее по улице законный муж, а прическа у нее была высокая, словно стожок сена...
Отгоняя непрошеное видение, Александра незаметно отодвинулась от Кости, точно боялась, что он подслушает ее мечты. Платье по-прежнему стягивало ее, цеплялось за кожу, холодило колени, но теперь она чувствовала себя в нем по-девичьи тонкой, быстрой и ловкой. Вот если б не туфли... Тайком от гостя она сбросила их, вытянула под столом ноги, блаженно пошевелила пальцами. Заметив скучное лицо соседа — он явно тосковал, не ведая, чем заняться,— Саня преувеличенно бодро зачастила:

— Чтой-то мы приуныли! Заводи, кум, свою музыку.
Тот охотно взял в руки гармонь, склонился над ней, настораживая ухо, и без подготовки заиграл.
Александра стала подтягивать ему, потом запела с увлечением, поддаваясь настроению песни, но после второго куплета убавила голос. Одинокий, лишенный привычной опоры, он почудился ей жалким и жиденьким — не было рядом мужа, чтобы помочь ей, чтобы довести историю несчастной любви до конца. Она без интереса повела песню дальше, поперхнулась словом и всхлипнула.
— Что с вами?— всполошился Костя.
— Я сейчас, сейчас,— бормотала она, сморкаясь.
— Ты выпей, Сань, выпей,— заторопил ее сосед.
Она покорно взялась за стакан, но пить не решалась.
— Эх, черт!— расчувствовался кум.— Жалко мне тебя, Сань. Хорошая ты баба. Не будь у меня Зойки да ребятишек, ей-богу б на тебе женился!
Александра усмехнулась, поднесла стакан ко рту, наполовину опорожнила его, потянулась за огурцом.
— Вот и ладно. Не горюй, Сань. Абы войны не было.
Кум повернулся к гостю и спросил:
— Как там Азия, шебаршит?
Вмешалась Прокофьевна, некстати припомнила Нюшку, начала расписывать, как ей ловко живется на всем готовом, да какая уйма народу помещается в ее доме, и что вода у нее вольная — хоть залейся. Перебив ее, Александра заговорила про то, как холодает у них по ночам, когда цветет черемуха, какие чистые зимою дни, какие синие вечера. Весной трещит и стреляет на их крохотной речушке лед, дороги развезет, расквасит — не то что в район, но и на тот берег не проберешься, кроме как на лодке. А сколько щуки да окуня водится — кошки прямо гоняются за рыбками, выпрашивая подачки... Работа, конечно, известная, бабья, и в колхозе и дома, одной свеклы переворотишь с гору, да ить кто к чему приспособлен...
— Мам, а мам,— заныла Лелька.— Я спать хочу...
— Цыц, идоленок,— одернула ее Прокофьевна, но девочка заупрямилась:
— Спать буду!
— Спать так спать,— согласился Костя.
Сосед стал удерживать его, предложил пропустить по маленькой на прощание, но Константин отказался.
— Устал я что-то. С шести утра колочусь. Отосплюсь у вас на сене, на вольном воздухе...
— Не застудиться бы,— засомневалась Александра.— Ночи теперь холодные. Ложитесь в хате.
— Нет, я на улице.
— Ну тогда обождите маленько, я постелю.
Александра надела туфли, свернула одеяла и подушки в один узел, взвалила его на плечо и вышла.
Закат еще не погас, малиновая полоса оцепила деревню подковой, четко выделив нечесаные уступы крыш, верхушки яблонь, лохматые скирды. От реки тянуло прохладой, воздух был жгуч и свеж — морозом пахло, как говаривала Лелька. Пыхтел движок возле правления, а от берегового откоса, со стороны глухой и черной обрыв-горы доносились спокойные голоса. Да неужли все это покинуть? Бросить избу, Митину могилку, податься на чужие хлеба... Кому она там нужна, дальняя, залетная, как на юру осина? А Лелька, что с нею будет?
Саня расстелила постель, взбила подушки, выпрямилась и перевела дыхание. А к ней, попыхивая светлячком папиросы, уже подходил Костя.
— Готово,— сказала она, обнаруживая себя.— Можете ложиться.
Он поблагодарил, затоптал жар и медленно заговорил:
— Не уходите, Саня. Вы так и не ответили. Я жду... Пью я мало, с женой развелся: не поладили мы. Детей нет. Квартира. Вместо приданого...
Она понимала, как ему трудно с ней, какие они с ним разные. Умелый, обходительный, у себя дома он действовал бы по-иному, произносил бы другие фразы. А здесь, силясь убе-

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКА П. ПИНКИСЕВИЧА К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И. С. ТУРГЕНЕВА «МУМУ».

«ПОСЛЕ СМЕРТИ» (КЛАРА МИЛИЧ).

«ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ».

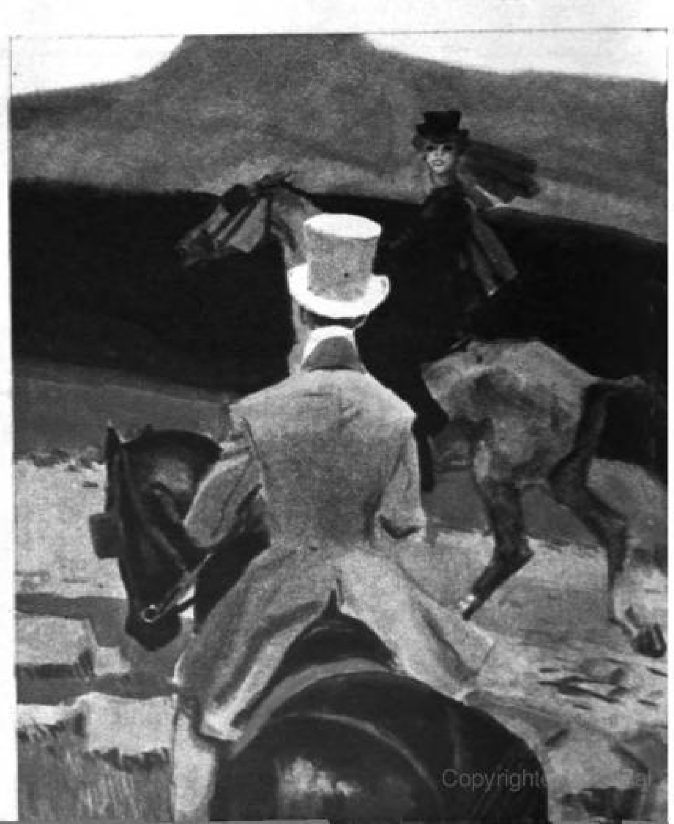
«ЗАТИШЬЕ».

«ПУНИН И БАБУРИН».

«ВЕШНИЕ ВОДЫ».

Мастер иллюстрации

Н. ЖУКОВ,
народный художник СССР

Рисунки П. Пинкисевича. Эти слова часто встречаются в наших многомиллионотиражных книжных и журнальных изданиях.

Мое знакомство с Петром Пинкисевичем произошло в 1946 году, но я могу сказать, что знаю его значительно раньше. Когда он впервые пришел в студию имени Грекова, он принес показать свои рисунки, сделанные совсем еще в юном возрасте. Это оказались отлично исполненные иллюстрации к произведениям Достоевского, Чехова и Горького. Паренек смело брался компоновать самые сложные, многофигурные построения, доступные лишь зрелым мастерам. Легкость преодоления трудностей этим, по существу, еще мальчиком поражала. У него был поистине редкий талант художника-композитора.

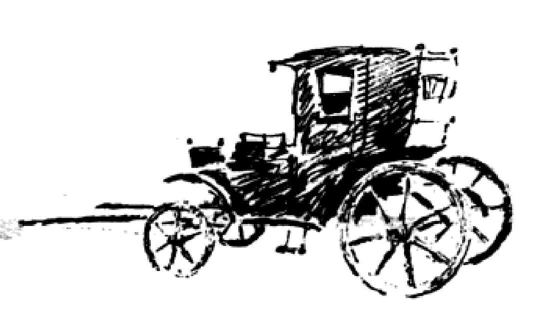
Придя в студию, он быстро становится одним из любимцев нашего дружного коллектива. Его поразительная работоспособность, трудолюбие служили примером для всех. Он выставлял на наших выставках талантливые картины и серии графических листов, из которых, пожалуй, одна из лучших — «Оборона Севастополя».

Когда он ушел из студии в «Огонек», откровенно говоря, я, как один из его старших товарищей, загрустил. Мне да и нам всем очень не хватало этого скромного и большого труженика и отличного друга. Но что поделать: как всякая птица, научившись летать, покидает гнездо, так и Петр Наумович вышел от нас на широкий простор советской прессы. Мы, все его друзья, поражались поистине снайперским дарованием Пинкисевича. Ведь он иллюстрирует самые полярные по содержанию произведения.

Короткие журнальные новеллы и романы Шолохова и Уэллса. Куприн и Бальзак, Драйзер и Сергеев-Ценский... Этот список можно продолжать и продолжать.

Пинкисевич обладает феноменальной способностью перевоплощения. Он отличный график. Его рисунки пером, литографские эстампы и офорты сделаны артистично — на одном дыхании. Он превосходно владеет цветом. Его акварели и гуаши изящны и тонко сгармонированы. Словом, я боюсь впасть окончательно в панегирический тон...

Единственно, что огорчительно: как далеки иногда тиражные оттиски произведений Петра Пинкисевича от его оригиналов! Я говорю это сейчас, с удовольствием разглядывая новые иллюстрации художника к собранию сочинений Тургенева, выпускаемому приложением к журналу «Огонек».

Сколько лиризма, порою грусти, а иногда мужественности в передаче характеров героев великого русского писателя вложено в эти новые рисунки мастера! И, несмотря на высокую точность антуража — костюмов, интерьеров, архитектуры,— Пинкисевич никогда не впадает в натурализм. Его образы одухотворены истинным проникновением в литературную сущность произведений классика.

Короткая заметка не позволяет мне рассказать и разобрать сотни журнальных рисунков художника, глубже проанализировать многочисленные книжные иллюстрации Пинкисевича. Единственно, что можно сказать с полным правом,— его талант возмужал и окреп в «Огоньке», в работе над иллюстрациями в журнале и к книжным приложе-

дить ее, он подыскивал веские доводы, объяснял что-то ненужное, подтрунивал над собой, пытаясь скрыть охватившую его неловкость.

— Нескладно вышло. Вертушка попалась. Стрекоза. Одни развлечения на уме...

— А разве другой не нашлось? Мало ли в городе разведенок?

— Да уж хватает. Только не подходят они мне. Комнатные они, парниковые.

— Все мы, бабы, одинаковы.

— Эх, Саня! Я ведь давно вас приметил. Завидовал вашему мужу: вот кому, думаю, повезло.

— Так уж и повезло,— отозвалась Александра.— Жили-то мы с ним не больно сладко...

— Знаю. Но уверен, не ваша это вина. Душа у вас золотая, вы крепкая, вас не столкнешь. Соблазнами вас не купишь, нуждой и работой не испугаешь. С вами и горе и утехи пополам.

— Ах, боже мой, сколько вы здесь напустили туману...

— А вы не слушайте. Просто соглашайтесь.

— Да я, что же... разве я против... Хотя... Молочка хотите? Парного? Забыла угостить... Принести?

— Можно и молочка,— согласился Костя.

Александра метнулась в избу и вскоре вернулась оттуда с полной кружкой.

Он пил жадно, не отрываясь, посматривая на Саню. Светились во тьме устремленные на нее выпуклые белки. Дрожа от озноба, вдыхая сладковатый настой подсохшей за день травы, она терпеливо ждала, пока гость напьется. А Костя внезапно выронил кружку и привлек Саню к себе. Теряя равновесие, она попыталась упереться, отстраниться от него, но не оттолкнула, а потерянно прошептала:

— Ой, Костик...

— Родная моя,— твердил он, целуя руки.— Милая, милая...

Никогда еще с ней не обращались, как с царевной, не тешили ее, ровно маленькую, не говорили зараз столько нежных и ласковых слов. Да, может, оно и не с ней делается-то, может, не ее ублажает напоследок судьба? Неужто есть бабы, которых всегда так-то вот милуют? Голова у нее кружилась, теснило в груди. Подхвати ее Костя, унеси в неведомые края, она и не охнула бы.

Лелькин плач вынудил ее опомниться. Был он тихий, будто мышиный писк, но Александра сразу услышала, моментально отрезвела, высвободилась из цепких объятий.

— Что ты?— встревожился Костя.

— Я... Там Лелька моя... Я скоро...

— Да, да,— согласился он.— Иди. Я подожду.

Лелька стояла у кадки, слегка покачиваясь и не размыкая век, пила воду, у ее ног терся, вытянув трубою хвост, полосатый кот. Тощенькая, в мятых штанишках и майке, с косматыми волосенками, девочка выглядела такой несчастной, такой беззащитной, что Саня опрометью бросилась к ней.

— Сиротка ты моя горемычная,— приговаривала она, в припадке жалости подхватив на руки горячее ото сна тельце.— Пить захотела, бедная...

Саня отнесла Лельку на кровать, укрыла одеялом.

— Спи, котик, спи. Все спят: и писклята, и лисичка, и Баба-Яга...

— И Змей-Горыныч?— произнесла девочка спросонья.

— И он тоже. Спи. Хотел он Лельку украсть, да не отдали мы ему нашу ягодку. Злится он, а мы не отдадим. Ни за что. Спи, спи...

Александра долго не отходила от дочери. У нее пропало желание возвращаться. И шевельнулась обида на Костю: и вздумал же свататься! Ездил бы без всякого, на недельку-другую, так нет же, затеял всерьез... Как она угол-то свой бросит? Эх, встретился бы он ей раньше, до Мити, пошла бы за ним хоть на край света. А теперь... Только и радости, что грешное счастье, горькая вдовья услада...

— Ну как, сговорились?— спросила Прокофьевна.

— Ох, да что вы пристали!— рассердилась Александра, расстегивая крючки на платье.

— Дура девка, ей пра...

Александра погасила свет, взобралась на койку, припала к подушке и затряслась, задрожала от рыданий. Плакала она беззвучно, подавляя стоны, слезы текли обильные, щедрые, как вешние воды, но Саня знала: завтра ей будет легче.

г. Орел.

СЛАВА ГЕРОЮ КОСМОСА!

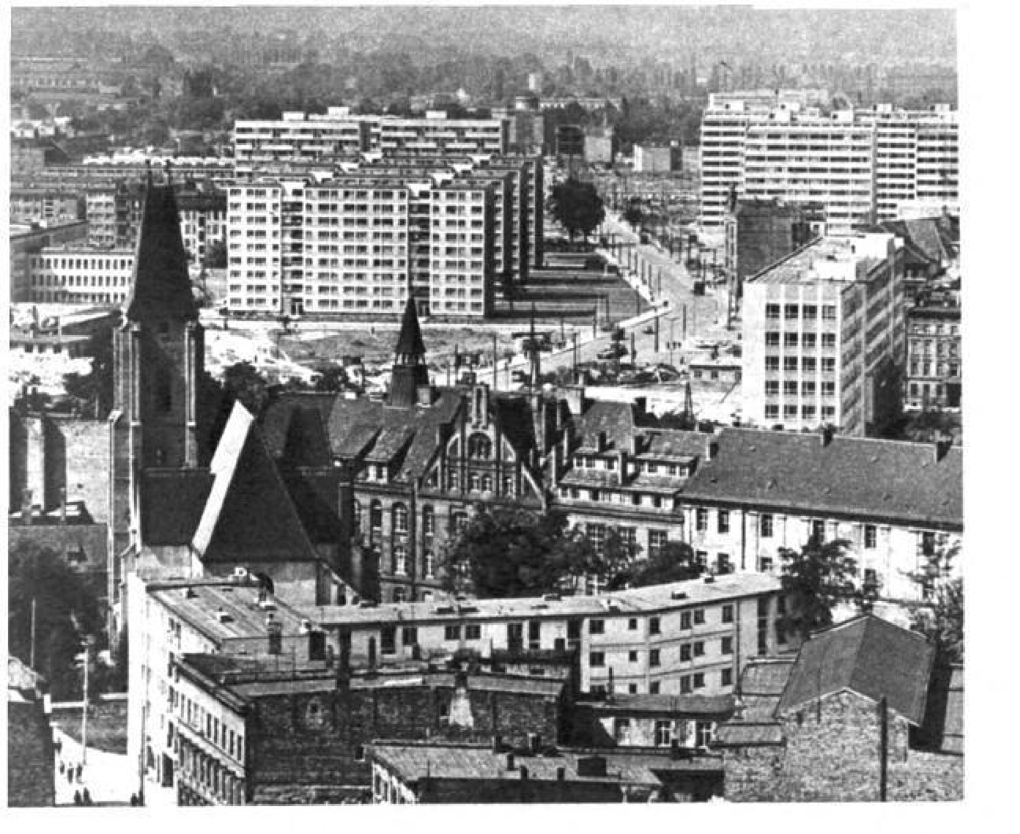
Мать героя.

Фото А. Бочинина.

← Вторая Золотая Звезда.

Фото Е. Халдея.

Из глубины сердец.

ЮБИЛЕЙ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

В ноябре 1918 года польский народ вновь обрел независимость. Это стало возможным благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, свергшей царизм, аннулировавшей договора о разделе Польши и без оговорок признавшей право польского народа иметь свое государство. В дни празднования полувекового юбилея польского государства советские люди желают братской социалистической Польше дальнейших успехов в строительстве новой жизни.

На снимке: древний Вроцлав — один из крупнейших городов социалистической Польши.

●

За активную деятельность по укреплению дела мира между народами и в связи с 50-летием Ленинский комсомол был награжден почетной медалью «Борцу за мир».

На снимке: председатель Советского комитета защиты мира писатель Н. С. Тихонов вручает награду секретарю ЦК ВЛКСМ Ю. В. Торсуеву. Слева — ответственный секретарь Советского комитета защиты мира М. И. Котов.

Фото А. Агапова.

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО АНГКОРА

9 ноября 1953 года камбоджийский народ после длительной борьбы восстановил независимость своего государства.

Для иностранцев страна начинается с отличного современного аэровокзала Почентонг, расположенного в пригороде столицы. По прекрасному просторному шоссе сразу же, через 10—15 минут, попадаешь на шумные проспекты Пном-Пеня, застроенные многоэтажными современными домами, утопающими в буйной тропической зелени. От старого, бамбукового Пном-Пеня, каким он был еще 15 лет назад, осталось немногое. Захолустный колониальный городишко превратился в одну из красивейших столиц Юго-Восточной Азии. Наследникам Великого Ангкора удалось за короткий срок построить, по существу, заново неповторимый современный город, в котором чувствуешь руку потомков древних зодчих.

Морская держава, сотни километров которой омывают теплые воды Сиамского залива, до 1953 года не имела современного порта. Сегодня на покрытом еще 10—12 лет назад дремучими джунглями берегу, там, где бродили стада слонов, вырос и набирает силы новый порт Сиануквилль. К нему протянулись от Пном-Пеня стальные пути нового железнодорожного полотна. Впереди завершающие работы по сооружению последнего участка магистрали. А пока грузы идут по построенному тоже за последние годы асфальтированному шоссе. Десятки современных предприятий выросли во всех концах страны. Десятки отстроенных современных городов...

И все это сделано за 15 лет независимости своим трудом и с помощью друзей. В их числе Советский Союз, другие социалистические страны.

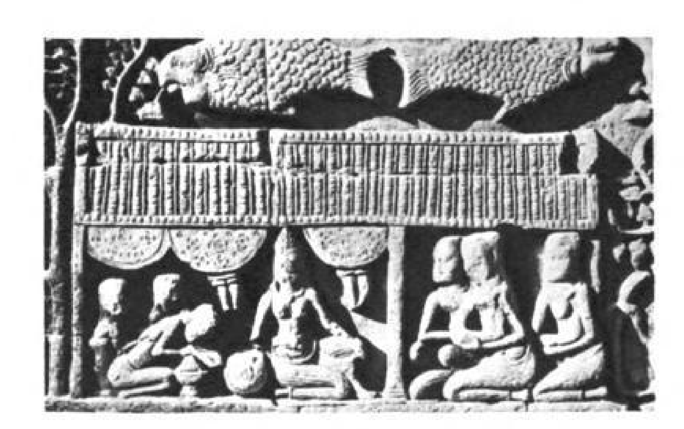
Все эти годы на земле Камбоджи царит мир, хотя на ее границах пахнет порохом. На востоке — полыхающий Южный Вьетнам, на севере — объятый пламенем войны Лаос, на западе — крупнейший «непотопляемый авианосец» США — Таиланд. Камбоджа оказалась в центре опаснейшего очага международной напряженности, созданного империалистическими кругами США. Политика мира и нейтралитета, которую проводит Камбоджа в интересах национальной независимости, вызывает раздражение Вашингтона, осуществляющего в этом районе свои агрессивные авантюры. Вашингтонские стратеги пытаются столкнуть Камбоджу с пути укрепления национальной независимости. С таиландской и южновьетнамской сторон по указке Вашингтона вот уже в течение многих лет не прекращаются вооруженные провокации против мирного населения. Сотни убитых, тысячи раненых камбоджийцев стали жертвами этих преступных действий.

И все-таки Камбоджа продолжает свой независимый курс. Она резко выступает против провокационной политики США, требует прекращения американской агрессии во Вьетнаме и вывода американских войск с территории Индокитая, поддерживает позицию ДРВ и НФОЮВ в мирном решении вьетнамского вопроса, выступает за прочный мир в Индокитае и во всем мире.

Успешно развиваются отношения Камбоджи с Советским Союзом, решительно выступающим в поддержку национальной независимости и миролюбивого курса камбоджийского государства.

У нас 60 тысяч монахов и 35 тысяч солдат, но если американцы или кто другой развяжут против нас войну, весь семимиллионный народ встанет как один, отстаивая каждую пядь древней земли наследников Великого Ангкора — так говорят камбоджийцы.

И. ЩЕДРОВ

Стена древнего храма.

Парад у Монумента независимости.

Фото Дм. Бальтерманца.

МИЛИЦИЯ: ПРАЗДНИК—БУДНИ

В канун Дня советской милиции в редакции журнала «Огонек» побывал член коллегии Министерства охраны общественного порядка СССР, кандидат наук С. М. Крылов. Гость «Огонька» рассказал о нелегком труде милиции, о ее героических буднях, о том новом, что приходит в работу милиции за последнее время.

— Милиция вступила во второе полстолетие своего существования, за ее плечами большой исторический путь, путь борьбы и побед, самоотверженного служения советскому народу. За эти годы в милиции сформировались замечательные традиции, накоплен громадный практический опыт, выросли высокоидейные, преданные делу коммунизма, профессионально грамотные кадры. Расширяются и крепнут связи с общественностью. В руководстве партии, в поддержке народа — сила нашей милиции.

Сегодня перед милицией стоят новые, очень ответственные задачи, к ней предъявляются все более высокие требования. В стране произошли громадные политические и экономические преобразования, вырос культурный уровень населения, повысилась нетерпимость советских людей к различным антиобщественным проступкам. Происходит дальнейшая демократизация советского общества, все более крепнет у каждого советского человека чувство хозяина своей страны. Все это милиция не может не учитывать в своей деятельности.

Коммунистическая партия поставила задачу полного искоренения преступности в нашей стране. Решение этой задачи потребует существенных изменений в деятельности милиции, дальнейшего совершенствования форм и методов ее работы...

Сергей Михайлович Крылов рассказал о тех мерах, которые в этой связи предпринимаются министерством. Речь шла о внедрении в деятельность милиции новейших достижений науки и техники, об активном использовании аналитических исследований, о повышении профессионального мастерства, о более рациональном использовании сил и средств, об усилении воспитательной работы среди личного состава. Подробно говорилось о путях совершенствования информационной службы, о перспективах использования современных электронно-вычислительных машин. Министерства охраны общественного порядка создают специальные информационно-аналитические подразделения, которые призваны своевременно и на высоком научном уровне обобщать практику работы органов милиции, своевременно вскрывать причины тех или иных антиобщественных проявлений и разрабатывать научные рекомендации по организации борьбы с преступностью. Органы милиции принимают меры к тому, чтобы более активно вести профилактику, предупреждать преступления.

С. М. Крылов.

— Работники милиции, все сотрудники органов охраны общественного порядка,— сказал в заключение С. М. Крылов,— видят свою задачу в том, чтобы бдительно стоять на страже общественного порядка, безопасности и личной неприкосновенности советских граждан, поднять деятельность органов милиции на более высокий уровень.

ПО СЛЕДУ

Это рассказ об одной из операций работников уголовного розыска, о том, как были обезврежены опасные преступники-рецидивисты.

«В 16 часов 50 минут в магазин ворвался вооруженный ружейным обрезом преступник, на лице которого была маска. Он закрыл дверь магазина и заявил: «Никому не кричать, никому не выходить — убью сразу».

...Строки из обвинительного заключения я читаю в кабинете одного из руководителей Московского областного уголовного розыска. Сейчас все уже позади. Преступники пойманы и сурово наказаны. А несколько месяцев назад вот это короткое сообщение, переданное по телефону сюда, в здание на улице Белинского, было очень тревожным: грабители в масках и с оружием в руках! Тотчас же подняли специальные картотеки, фотографическая память архива выдала снимки нескольких преступников, действующих в масках. Во многие подмосковные районы и в соседние области передали сведения о краже, о преступниках.

От здания, в котором размещается угрозыск, отошла машина с подполковником А. И. Арбековым и майором А. Г. Лидовым — им поручили возглавить розыск. В операцию включился и полковник Ю. М. Степанов. Дело надо было завершить как можно скорее. Полковник А. Г. Экимян, рассказывая мне о всех перипетиях поиска преступников, подчеркивает: оперативные работники проявили незаурядное мастерство...

Банду возглавлял некий Купцов. Преступники избрали узкую специальность — магазины, и притом те, в которых, кроме денег, можно взять и товар. Прежде всего вино и водку. Правда, не брезгали и другим, что попадалось под руку. Неизменными оставались только маски, ружейный обрез и нож. Как правило, воровали трое. У остальных иные заботы: достать оружие, сбыть краденое...

Работники угрозыска довольно быстро установили главаря — по «почерку», по сообщениям тех, кто видел преступника, кто случайно обмолвился с ним словом. Тогда-то и определили, кто это.

А Купцов еще не знал, что его уже ищут, что кольцо вокруг него и всех дружков замкнулось. Фотографии преступников находились во всех отделениях московской областной милиции. Купцова увидели в поезде и попытались задержать. Он выбил окно вагона, рванул ручку стоп-крана и убежал. Тогда и понял, что идут по следу. Стал прятаться в лесу. Но засаду вокруг дома, где жил преступник, все же не снимали который уже день. Тщательно следили и за квартирами дружков главаря шайки. Они не появлялись, однако, снова попытались ограбить магазин. Грабителей увидела сторож, пожилая женщина. Но она даже не успела поднять тревоги. Ее заперли в какой-то комнате, затем не торопясь, обстоятельно обчистили магазин. Когда собрались уходить, вспомнили о затворнице. «Она нас хорошо запомнила»,— с тревогой сказал один из бандитов. «Дело поправимое»,— ухмыльнулся другой. Когда вскоре на место преступления приехали оперативные работники, им мало что смогла рассказать не только перепуганная, но и... пьяная женщина: воры насильно заставили ее выпить кружку водки.

...Поисковая группа установила, что резиденция жуликов находится в лесу. Все выходы из него просматривались. На помощь пришли лесники, охотники, дружинники. Разбили лес на квадраты и методично прочесывали их — километр за километром.

— Бандитов брали поодиночке,— рассказывает Арбеков.— Сначала помощников Купцова, затем и его самого.

Едва Купцов вышел из чащи, как оказался в руках оперативных работников угрозыска. Даже не успел воспользоваться оружием, хотя накануне похвалялся перед дружками: «Живым не дамся!..»

...Еще раз просматриваю дело. Здесь все говорит о том, как находчиво и смело провели эту операцию работники Московского областного уголовного розыска и их коллеги из Ногинского и Орехово-Зуевского районов.

К. КОСТИН

«INVICTA»

Федор ШАХМАГОНОВ,
Евгений ЗОТОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

После застолья начались танцы. Западные танцы. Записи на магнитофоне. И никто не чурался, никто не возражал против этих танцев. Никакого железного занавеса. С ума там посходили!

Родин танцевал с Сашей. Он, конечно, мог бы показать и твист и медиссон. Мог показать, как танцуются эти танцы на Западе. Нельзя! Запретная зона!

Но Саша должна была остаться довольной своим легким на ногу партнером.

Потом они возвращались вместе домой. Он вел ее под руку. Сверкали омытые росой звезды. Ветер шумел в листве яблонь. Тоскливо кричали ночные птицы. Какие, он не знал. Глаза привыкли к темноте, и Родин заглядывался на Сашин профиль. Как быстро стало родным ему ее лицо! И любимым. Он любил. А часто ли это бывает и есть ли в жизни что-либо выше этого чувства? Он должен отказаться от этого чувства. Должен!

Но чувства не подчинялись разуму. И Родин сам не мог бы себе объяснить, почему он, почувствовав в пальцах тепло Сашиной руки, вдруг тихо сказал:

— Саша, я люблю вас!

Иной формы объяснения он не знал. Так говорили герои Тургенева, Толстого. И именно «вас». Откуда же было Родину знать, что именно это слово больше всего и поразило Сашу. И скромность.

Саша остановилась.

— Это правда? — спросила она настороженно.

Спазмы сдавили Родину горло. Говорить он был не в силах. Он кивнул головой. Она сжала его руку.

Они шли молча. Что-то несвязное вышло из его дальнейших слов. Он говорил, что любит ее, любит вопреки всему, будет любить, что бы ни случилось. Она должна верить, что полюбил он ее через пространства и расстояния, их разделяющие.

Она не задавала вопросов. Если он о чем-то умалчивает,— значит, так надо, значит, не настал час, когда он может сложить с себя на ее плечи свою тяжесть. Родин чувствовал, что и без его лживых легенд у нее создается о нем своя легенда... Своя... Какая? Наверное, очень далекая от правды...

ТРИВИАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ

Утром, придя на работу, я застал Снеткова возле своего кабинета. Новость. Значковский вхож в дом известного ученого, профессора Старцева. Всего только год тому назад профессор Арсентий Дмитриевич Старцев был переведен в научно-исследовательский институт и работал по совершенно секретной тематике... Он был химиком. Это сообщение нас очень заинтересовало.

Оказывается, наш музыкант со Старцевым был знаком уже много лет. Он учился с его дочкой в одной школе и даже в одном классе.

В доме профессора он бывал и в те далекие времена. Значковский поступил в консерваторию. Светлана, дочка профессора, поступила в Менделеевский институт. Но не окончила института. На третьем курсе вышла замуж. Бросила учебу. И не мудрено. Переходила она с курса на курс с большим трудом. И в институте училась недолго, а замужем побыла и того меньше. Она развелась, и как раз в это время возобновилось ее знакомство со Значковским.

Школьные годы, школьная дружба, а может быть, и первая любовь... К тому же Значковский после долгой разлуки мог действительно поразить ее воображение.

«Мальчик в коротких штанишках» стал заметным музыкантом. Его внимание могло льстить экстравагантной дочке профессора. А может быть, и на самом деле между ними наметилось что-нибудь похожее на любовь? Не живет же Значковский одной лишь любовью к машинам! Он стал частым гостем в доме Старцевых.

Что же привлекло его в этот дом? Любовь? Увлечение?

Итак, к биографии Значковского, к внутренней психологической канве этой биографии.

Отец — музыкант, мать работала на заводе и вдруг перестала работать. Тогда, в первый раз перед встречей по делу Сальникова, мы в общем-то прошли мимо этого факта. Прямого отношения к Значковскому этот факт не имел. Это скорее надо отнести к биографии его матери. А кто сейчас его мать, как она жила все эти годы, на какие средства воспитывала сына? Мы далеки от мысли, что в наше время только родители могут оказать решающее влияние на формирование человека, но... В таких случаях никогда не бывает абсолютных законов.

Я посоветовал Снеткову заинтересоваться жизнью матери Значковского. И вот что мы установили.

В 1943 году Мария Петровна Значковская оставила работу на заводе. Уволилась.

С тех пор прошло много лет. Очень трудно было установить, как она жила в те годы, не обращаясь к ней с прямыми расспросами.

Жила она тогда на улице Левитана. Теперь эта улица перестроена, и нет того дома, в котором она жила.

Снетков обнаружил вдруг, что у нее есть своя дача. Нетрудно было сделать такое открытие, но все же оно выглядело, скажем прямо, неожиданностью. Вдова, не работавшая с 1943 года, имеет свою дачу. Еще можно было поверить, что ее сын купил дачу, но она! На какие же деньги?

Дача куплена в 1943 году в Подмосковье, где дома всегда стоили очень дорого.

Каким же было наследство ее мужа? Может быть, на средства от исполнения его песенок куплена дача? В те годы часто исполнялись песни композитора Значковского, его вдова получала гонорары. Однако не в той сумме, которая необходима для приобретения т а к о й дачи. Я не случайно выделяю слово «такой».

В тридцати минутах езды на электричке от Москвы, окруженный высокими соснами, с чудесным плодоносящим садом в сорок корней, двухэтажный особнячок из кирпича. Строился на века. Принадлежал он до продажи семье академика. В семье академика назвали и сумму, за которую была продана дача. Двести тысяч рублей. Купчая, правда, состоялась на пятьдесят тысяч. Обычный прием, чтобы не платить больших нотариальных сборов? Старое дело. Кто и когда вернулся бы к нему, если бы не особый интерес к ее сыну!

Итак, вдова выложила за дачу двести тысяч рублей.

Наши товарищи заметили, что Светлана Старцева все чаще и чаще появляется в «инвикте» рядом с ее хозяином. В такой роскошной машине надо уметь и сидеть, надо уметь для нее и одеваться. Светлана Старцева «шла» к этой машине, но и машина «шла» к ней.

Значковский не гонял «инвикту» зря, несмотря на ее мощный мотор и ее скоростные качества. Машина медленно плавала по улице Горького, по Кутузовскому проспекту, по бульварному кольцу, словом, по тем артериям Москвы, по тем улицам, где прохожие могли оценить достоинства этой машины.

Ездил на «инвикте» Значковский и в Красную Пахру. На дачу к Старцевым. К матери на дачу не ездил.

Так вот мы и ходили вокруг да около Значковского, пока не был дан делу новый толчок.

Профессор Старцев побывал у Марии Петровны Значковской. Побывал у нее на даче в вечерний поздний час. Этот человек, оказывается, очень часто в годы войны и после войны навещал Значковскую. Именно он, Старцев, помог ей купить дачу, был здесь частым гостем, с годами его посещения становились все более редкими, и на этот раз он появился после многолетнего перерыва.

И над такого рода тайнами приоткрывается завеса. Мария Петровна Значковская двадцать лет тому назад была очень интересной и пикантной женщиной. Старцев увлекался ею. Что здесь необычного? Дело житейское. Но дачу он ей подарить не мог: не имел таких средств.

К нашему делу, к вопросам, которые нас интересовали, все это не имело никакого отношения. Зачем он к ней пришел в эти дни? Романа между ними быть теперь, видимо, не могло: не тот возраст. Старое вспомнить? Вряд ли. Отец пришел поговорить о своей дочери.

Утром в воскресный день «инвикта» Значковского выехала с закрытой стоянки возле его дома и ринулась в общем потоке к центру, свернула возле Манежа и остановилась около дома, где жил профессор Старцев. Из подъезда вышла его дочка, машина развернулась и выехала на Садовую.

«Инвикта» шла по шоссе со скоростью 120—130 километров в час.

В деревне Спас-Заулок у поста ГАИ пришлось Значковскому остановиться по требованию дежурного инспектора. Обычная проверка документов. Инспектор слегка пожурил Значковского за превышение скорости в пределах населенного пункта.

А тут недалек и поворот. «Инвикта» скользнула по асфальту узкого шоссе и пошла в лесные глубинки.

Поздно вечером «инвикта» снова появилась на автотрассе и, взяв направление на Москву, сразу же набрала скорость, обгоняя одну машину за другой. На участке прямой дороги «инвикта» дважды пыталась обогнать «Волгу». Водитель явно хулиганил. При сигнале фарами он не прижимался к обочине, а выходил на середину шоссе. Выходя на обгон в третий раз, «инвикта» просигналила светом, «Волга» подвинулась опять влево, тогда Значковский бросил свою машину вправо. Обошел «Волгу», незначительно превысив ее скорость. Сравнявшись со стеклом водителя, что-то ему крикнул, должно быть, ругательство, погрозил кулаком и быстро ушел вперед. «Волга» вновь вильнула вправо. Когда машины на миг оказались рядом, из «инвикты» в кабину «Волги» перелетел какой-то предмет.

К тому же еще странность! До встречи с «инвиктой» эту «Волгу» с забрызганным грязью номером остановил автоинспектор. Он был вежлив, проверил документы и обратил внимание водителя машины на то, что номер забрызган грязью. Водителем машины оказался корреспондент влиятельной буржуазной газеты. Этот корреспондент давно подозревался нами в связях с американской разведкой.

Случайность? Опять же очень странная случайность!

Передача! Так сказал бы любой беспристрастный наблюдатель, которому мы дали бы возможность ознакомиться со всеми обстоятельствами дела.

Но чекист, прежде чем утвердиться в какой-либо версии, обязан подвергнуть ее тщательному анализу, обязан исследовать все аргументы, которые говорили бы в пользу ее или могли бы разрушить им же выстроенную версию.

Рассмотрим самый главный аргумент, к тому же и лежащий на поверхности. Зачем понадобилось Значковскому и его возможному контрагенту сооружать, иного слова не подберешь, такую сложную систему передачи? Не проще ли было Значковскому встретиться с этим корреспондентом где-нибудь в ресторане, на улице, в очереди, в большом магазине, на бензоколонке, на концерте, наконец? Корреспондент мог подойти к Значковскому после его выступления. А столь малый предмет, как сигаретная пачка, мог незаметно перекочевать из кармана музыканта в карман разведчика. Мало того, мы повторяемся, Значковский по своей профессии имел частые контакты с иностранцами. При таких контактах передача незатруднительна.

Однако в разведке не бывает раз и навсегда установленных правил: любое правило превращается в стандарт, который затем легко разгадывается. Разведчик подчас ищет в своей работе, особенно в такой деликатной области, как связь с агентом, нелогичного, маловероятного, чтобы сбить с толку контрразведку.

И действительно, передача информации на ходу из машины в машину может на первый взгляд показаться нелепицей. Ну, а если принять версию, что передача состоялась и была передачей разведывательного характера? Здесь мы уже пойдем в своих рассуждениях путями нашей профессиональной логики. Рассуждаем пока лишь предположительно. Значковский и вышеупомянутый корреспондент находятся между собой в преступной связи. Им необходимо встречаться.

Старая история.

Жили-были два гражданина, встречались часто, бывали друг у друга дома, захаживали вместе в ресторан посидеть за столиком за рюмкой водки. И вдруг случилось им войти в какую-нибудь сделку, наказуемую уголовным кодексом. Они немедленно прекращают все встречи, открытые встречи, назначают свидания на местах, скрытых от посторонних взглядов.

Если бы у Значковского не было никаких преступных связей с корреспондентом, он встречался бы с ним открыто. Но уж коли между ними установилась преступная связь, то будут они искать встреч необычных, разрабатывать процесс передачи информаций таким образом, чтобы их встреча, их контакты выпали из возможного за ними наблюдения.

Они могли условиться, что на каком-то километре Ленинградского шоссе, в таком-то часу Значковский на своей машине нагонит машину корреспондента, они поравняются, и Значковский на ходу перебросит в машину своего соучастника компактную коробочку с информацией. Что для этого было бы нужно? Прежде всего время и место встречи должны выглядеть не нарочито, должны носить явный отпечаток случайности.

Место? Ленинградское шоссе. Отличное место. Воскресный день. По Ленинградскому шос-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—44.

се в воскресенье частенько выезжают и грибники и рыболовы. Стало быть, встреча на Ленинградском шоссе не будет иметь нарочитого характера.

Передачу из машины в машину лучше всего сделать в темноте.

Шла «инвикта», как идут сотни других машин. Обгоняла одну машину за другой. Что-то необычное, конечно, было в том, что очередная машина заметалась с правой на левую сторону. Среди автолюбителей встречаются «самолюбивые» натуры, такие способны и на грубые нарушения, лишь бы не дать обогнать.

Значковский пошел на обгон справа. Рискованный обгон. Надо иметь уверенность, что обгоняемая машина не сдаст вправо. Откуда такая уверенность?

Если заранее была обусловлена передача на ходу, то Значковский должен был зайти именно справа. Он у окна, ему легче перебросить условленный предмет.

Перед обгоном Значковский несколько раз просигналил фарами. Количество вспышек и переключения дальнего света на ближний могли быть заранее обусловлены. Стало быть, в «Волге» ждали его передачи, стало быть, они специально дали место для обгона справа.

У нас появились основания подозревать Значковского не только в валютных операциях, но и в значительно более серьезном преступлении.

СКРИПКА ИТАЛЬЯНСКОГО МАСТЕРА

В одной из глухих деревенек Рязанской области, в Мещерских лесах, умирал старик. Он был одинок, ему было девяносто два года. Вся его жизнь, которая была известна окружающим, прошла в колхозе; откуда он пришел в деревню, никто не знал. А те, кто знал, или умерли, или выехали из деревни. Звали его Прокофий Васильевич Урляпов. Последние лет двадцать работал он пчеловодом.

Правление колхоза попыталось положить Прокофия Васильевича в больницу. Ухаживать за одиноким было некому. Старик отказался: умру, дескать, на своих полатях. Колхозники и школьники носили ему еду, убирали в избе. А когда стало совсем худо, позвал вдруг к себе школьного директора Толиверова.

Толиверов был заметной фигурой и для деревни Лиховой Пустыни и вообще для Мещерского края.

Директор школы — кандидат исторических наук. Потомственный сельский интеллигент. Его дед основал в Лиховой Пустыни школу. Внук продолжил дело. Герой Советского Союза, безрукий человек, взял на себя невероятно трудную миссию работать в школе, жить в деревне. Отсюда к нему и высочайшее уважение всех, кто жил с ним рядом.

Изба Урляпова как изба, крыта соломой, подпоры под потолком, давно он ее не перебирал, и для кого перебирать, если жизнь последние годы катилась под крутую горку.

В красном углу иконостас и горящие лампадки. Темные мрачные лики в долбленых досках, темные краски глубокой старины. Иконы тринадцатого — четырнадцатого веков.

Вот по поводу этих икон и позвал Урляпов директора школы. Ему, как лицу, которому доверял сам и доверяло общество, вручил свое завещание о передаче икон в Рязанский областной музей. А на словах объяснил, что не хочет отдавать эти иконы в церковь. Измельчал ныне, дескать, народ, и святая вера не останавливает его от жульничества. Продадут попы эти иконы спекулянтам, и уедут старинные реликвии за океан к заморским толстосумам в коллекцию.

Поведал старик и историю своей жизни Толиверову. Признался, что был он отчаянным супротивником Советской власти.

Он был среди тех немногих офицеров, кто стоял с оружием в руках до последнего. Корниловский «поход», романтика мстителей за поруганную дворянскую честь; позор и унижение в южном порту... За границу он не поехал, скрылся в Мещерских лесах. Почему же именно в Мещерских? В Лиховой Пустыни стоял монастырь. Настоятель монастыря приходился Урляпову близким родственником. Прокофий Васильевич не раз бывал в монастыре, приглянулась ему деревенька своей тишиной, появление нового человека тут не вызвало большой настороженности властей. Кто-то из бывших паломников пришел в деревню на жительство. Объяснение годилось.

Прокофий Васильевич Урляпов, столбовой дворянин, зажил крестьянской жизнью.

Разговор с учителем затянулся за полночь.

Иконы, которые он завещал музею, почитал за великую драгоценность.

Но досадовал он и жаловался на свою непростительную промашку. Каялся, как в самом большом своем грехе и глупости.

Иконы эти отданы были ему на сохранение по особо доверительной рекомендации одной перехожей монашкой. Нашла его, зная его прошлое от настоятеля здешнего мужского монастыря. Та монашка была доверенной настоятельницы Лиговского женского монастыря, богатейшего на всю Россию.

Нашла она Урляпова, как сама говорила, когда «бог позвал ее к себе». С необыкновенной стойкостью и покорностью готовилась к смерти, «очищала» себя от земных сует. Она говорила Урляпову, что знает всю историю его жизни, что он был ей указан верными людьми как человек, который сохранил верность старой жизни и, главное, богу. Она рассказывала, что, когда большевики разогнали монастырь, настоятельница призвала к себе самых верных послушниц и раздала им монастырское богатство. Кому передала золото, кому бриллианты, кому старинные иконы великих мастеров, а еще вручила им в руки скрипку. И сказала настоятельница, что все золото, все драгоценности они могут продать, чтобы жить в неспокойное время, нельзя продавать иконы старинных мастеров, это грешно, и нельзя продавать скрипку.

«Как пришли большевики, так и уйдут,— говорила настоятельница,— с кровью уйдут, много народа погибнет, и вот тогда-то надо будет вновь строить монастырь. А как его строить? Нужны деньги. Для этого и скрипка, она такая дорогая, эта скрипка, что только на деньги от ее продажи можно вновь выстроить монастырь со всем его былым великолепием».

С виду эта скрипка была совсем незавидной. Потертая временем, и футляр невзрачный. Но делал эту скрипку знаменитый в старину итальянский мастер.

Ни в какие монастыри Урляпов к тому времени не верил, не верил, что сбудутся и предсказания настоятельницы о краткосрочности большевистской власти. Скрипку спрятал, иконы поставил в красный угол.

В разгар войны повалила его тяжелая и почти неизлечимая болезнь. Война. Не до старого бобыля в деревне. Умирал, пластом лежал на печи, тут и вспомнил о скрипке. А как продать? Раз она такая ценная, то с ней и на глаза нельзя показываться. Никак нельзя: поинтересуются, откуда взялась, конфискуют. И правильно конфискуют, такие вещи давно объявлены государственным достоянием. Надо искать частное лицо, а как найти, ежели от печи до двора и вся дорога?

Ездила к ним в деревню московская спекулянтка, скупала и выменивала картошку. Попривыкли уже к ней, не очень стеснялись, да и она заходила в каждый дом совершенно свободно. Пригласил ее к себе старик и поделился своими мыслями о скрипке: может быть, она что-либо придумает?

Шеврова — фамилия этой спекулянтки — записала на бумажке название скрипки и уехала в Москву. Обратно пожаловала вскорости, отвалила от своих щедрот Урляпову десять тысяч рублей. Он и им был рад. А через год, что ли, уже к концу войны, навестила Шеврова Лихову Пустынь, встретила старика (он уже выхрамывался из своей беды) и посетовала, что крупно они с ним продешевили на той скрипке. «Что с меня взять,— говорила она,— на картошку да на тряпки я цены знала, в эти штучки даже и не верила. Те люди, что взяли у меня эту скрипку, в гору пошли с нее, такой дом под Москвой купили, шапка упадет, если на крышу заглянешься...»

Толиверов передал по завещанию Урляпова иконы Рязанскому музею. А о скрипке Страдивариуса, зная, что такая скрипка составляет государственное достояние, сообщил в областной исполнительный комитет. На это сообщение

обратили внимание в Москве. О лиговской скрипке давно ходили легенды.

Милиция провела необходимые розыски. Нашли Шеврову. Не ставили ей ничего в вину, попросили только указать, кому продала скрипку и где эта дача или дом, который «на эту скрипку купили».

Так через Шеврову неожиданно протянулась ниточка к Марии Петровне Значковской. Шеврова указала, что именно ей она продала эту скрипку.

Подступались к Значковской, но тут же и отступились. Скрипку покупала сыну, он учился музыке. Старенькую, потрепанную скрипку. Дорого дала, в те годы на вещи настоящей цены не было. Где скрипка? Неужели в доме держать всякий хлам, в печке сожгла за ненадобностью...

На том дело и потеряло бы интерес, если бы Снетков не занялся семьей Значковских. Откопал он следы розысков скрипки в милиции. Вот он и ответ, откуда у Значковской появились деньги приобрести дачу у академика, вот почему она легко смогла оставить работу в 1943 году...

Она, конечно, перепродала скрипку, но кто же, кто же в сорок третьем году мог ей дать настоящие деньги за такую вещь? Кто мог быть тогда столь богат и смел? Во всяком случае, музыкант, профессиональный музыкант никогда не купил бы этой скрипки...

Идти к Значковской было бы преждевременно: можно было всполошить и растревожить весь улей. Решили розыск скрипки начать через Шеврову. Выяснилось, что она на старости лет занялась разведением белых мышей, черно-бурых лис и продажей яблок из своего сада. Она умела наживать копейку. Яблоки продавала не на рынке. Мочила и торговала мочеными яблоками возле пивных. Выходило дороже.

Старушка — «божий одуванчик», в чем только жизнь теплится. Худенькая и сгорбленная, с пергаментным, желтым лицом, словно бы от недоедания. А может, и действительно от недоедания: в этой породе встречаются скупцы, которые при огромных деньгах в кубышках от жадности сами себя голодом морят.

Она, конечно, поняла, в какое ее привезли здание. Мы предупредили, что ей не грозят никакие неприятности и от нее требуется одно — рассказать правду о судьбе скрипки, которую важно найти.

Ну что же, рассказ выглядел вполне правдоподобно. Скрипками она никогда не торговала и считала делом пустяковым. Да и предложить-то скрипку некому было. Не имела она таких знакомых. Правда, сказала доктору, живущему у них в дачном поселке, слыхать, этот доктор даже известный московский профессор. Она знала его жену и назвала им скрипку. Доктор ее на смех поднял. Сказал, что связалась она с какими-то жуликами, что никак невозможно, чтобы такая скрипка кем-то продавалась. «Ну,— думаю,— старик Урляпов — дурак, так с него спроса нет, и я с ним в дуры попадаю...»

— Поезда тогда как ходили... Не по расписанию... Долго стояли на станциях, пропускали воинские... Я, что мне теперь таиться, за картошкой в рязанские деревни ездила. За картошкой, за салом и за прочими продуктами. Кормиться надо было? А я одна осталась. Сына положили в первый же месяц. На заставе в пограничниках служил. В деревне купишь за одну цену, в городе продашь за другую... Вот и жила и все по поездам сновала. А в поезде скучно... Разговорами пробавляемся. Вот и рассказывала, как меня дурой старик сделал... А как прозывается скрипка, так я до сих пор не помню. Рассказала я этак-то в темноте своим соседкам по купе, одна меня потом в Рязани и отводит в сторону. «Ты,— говорит,— об этой истории помалкивай, а скрипку предоставь, может, то и правда каких денег стоит... Сколько бы там ни стоила, а выручка будет». И адресок мне свой дала. На улице Левитана в Москве жила, есть в Москве такая улица...

Так мы и подошли с Шевровой к ее встрече со Значковской. Фамилию своей обидчицы она запомнила и даже все обстоятельства продажи скрипки. Обижена она была по-крупному, а жаловаться некому. Два раза они встретились с гражданкой Значковской, а затем та ей деньги вручила. Десять тысяч рублей, и наказала из рук в руки передать хозяину; ей куш обещали выдать, когда доставит скрипку.

Скрипку смотрела не Значковская. Шеврова называла ее в своем рассказе «барынькой» («барынька», по ее словам, была совсем не главной фигурой в этой истории). Скрипку смотрел ее «хахаль», «человек из себя видный, породистый и, видать, большая шишка».

Он долго рассматривал скрипку, даже струны на ней попробовал и «отвалил» ей пять тысяч рублей сверх тех десяти, которые она отвезла старику в деревню.

Довольна спекулянтка по-первому была крайне. Никак не думала, что пустое дело принесет такой барыш. А потом под ложечкой стало сосать: не продешевила ли? Жила, как мы уже упоминали, в Подмосковье. И надо же такому случаю: покупает ее гражданочка Значковская дачу в их поселке. «Дачу царскую... Это все с той скрипочки, не иначе». Вот и затаила с тех пор на нее злобу.

— А почему же вы думаете,— задал ей вопрос Снетков,— что дача куплена с той скрипки? Может быть, у нее и без того деньги были?

По-своему Шеврова была наблюдательна, профессия у нее такая, что к некоторым деталям взгляд оказался прилипчивым.

Она очень логично объяснила, что познакомилась со Значковской, когда той было не до дач. Тряслась «барынька» в таких же теплушках, как и она: ехала выменивать свои платья на картошку.

— И «хахаль»-то ее, «хахаль», тот самый, что скрипку для себя брал, с ней и дачу покупал. Сам выбирал, сам с прежними хозяевами рядился... Для своей любушки покупал, от семейства своего в глубокой тайне... Никак я вот только не добралась ни до его имени и фамилии...

И последний вопрос к неожиданному свидетелю:

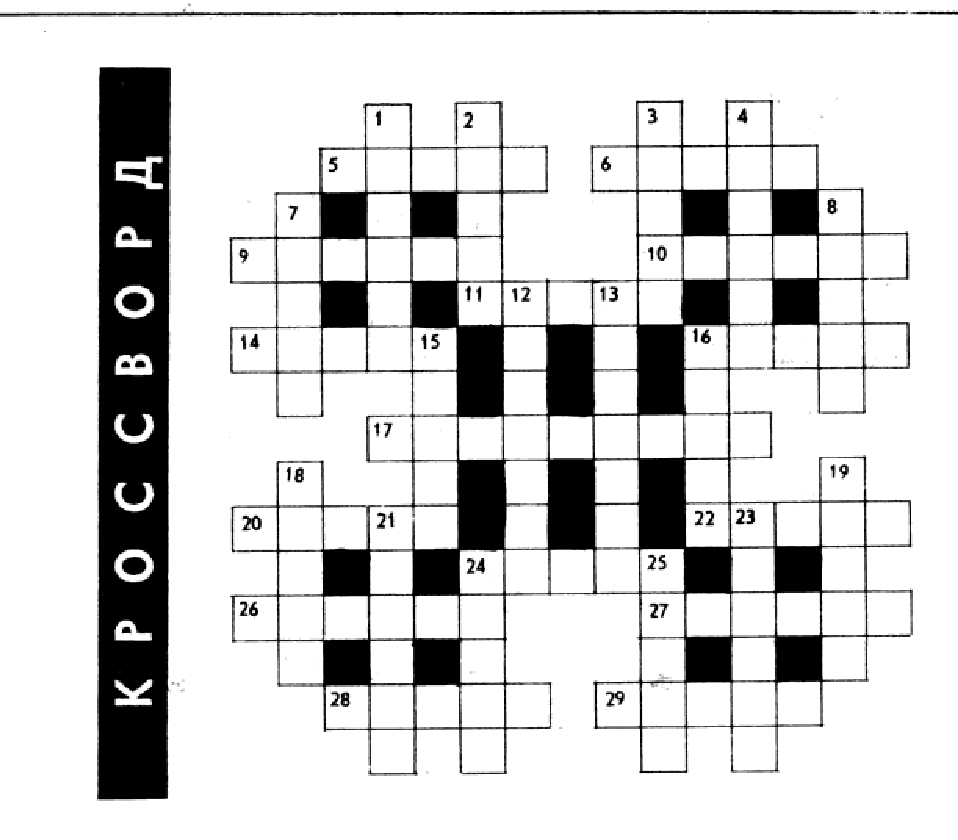
— Скажите, Шеврова, а вы узнали бы по фотографии человека, который у вас скрипку купил?

— Узнала бы! — твердо ответила она.

Пришлось ей посидеть и подождать в приемной.

Снетков быстро доставил фотографии профессора Старцева времен войны. Показали мы ей для опознания несколько фотографий. Среди них была и фотография профессора Старцева. Замерли и я и Снетков в ожидании. Сразу и не колеблясь указала она на Старцева. Вот он, ее обидчик, он купил скрипку, он на этой скрипке нажил деньги, он купил дачу своей «барыньке»!

Продолжение следует.

По горизонтали:

5. Народный поэт Белоруссии. 6. Экваториальное созвездие. 9. Типографский шрифт. 10. Автор романа «Иду на грозу». 11. Птица семейства вороновых. 14. Опера Д. Пуччини. 16. Ледяная глыба. 17. Курорт в Костромской области. 20. Стиль плавания. 22. Река в Европе. 24. Цветок. 26. Русский врач-терапевт XIX века. 27. Кристаллическая горная порода. 28. Холодное оружие. 29. Нотный знак.

По вертикали:

1. Областной центр в УССР. 2. Форма глагола. 3. Плавучее землечерпательное сооружение. 4. Итальянский живописец, ученик Рафаэля. 7. Сумма или разность двух алгебраических выражений. 8. Река в Бурятской АССР и Читинской области. 12. Южное плодовое дерево. 13. Озеро в Казахстане. 15. Объявление о предстоящем спектакле, концерте. 16. Электронная лампа. 18. Химический элемент. 19. Духовой музыкальный инструмент. 21. Древнегреческий философ. 23. Ветер разрушительной силы. 24. Стихотворение А. С. Пушкина. 25. Единица силы электрического тока.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

7. «Бородино». 8. Глазунов. 9. Комета. 10. Тренер. 11. «Игрок». 14. «Динамо». 16. Свитер. 17. Станиславский. 22. Жухрай. 23. Лиепая. 24. Ласка. 25. Ластик. 27. Квинта. 28. Хоккеист. 29. Джабарлы.

По вертикали:

1. Полоний. 2. «Кочегар». 3. Лира. 4. Ватт. 5. Вучетич. 8. Гобелен. 12. Горислава. 13. Одуванчик. 15. Олентуй. 16. Саксаул. 18. Гусачок. 19. Арктика. 20. Семинар. 21. Кангеле. 26. Каир. 27. Край.

На первой странице обложки: И. С. ТУРГЕНЕВ. **Портрет работы И. Репина.** 1874.
На последней странице обложки: **Б. Щербаков. Спасское-Лутовиново. Липы.**

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление И. ДОЛГОПОЛОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Сдано в набор 22/X-68 г. А 00498. Подписано к печ. 8/XI-68 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 004 000 экз. Изд. № 1812. Заказ № 2949.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рисунки Ю. Черепанова.

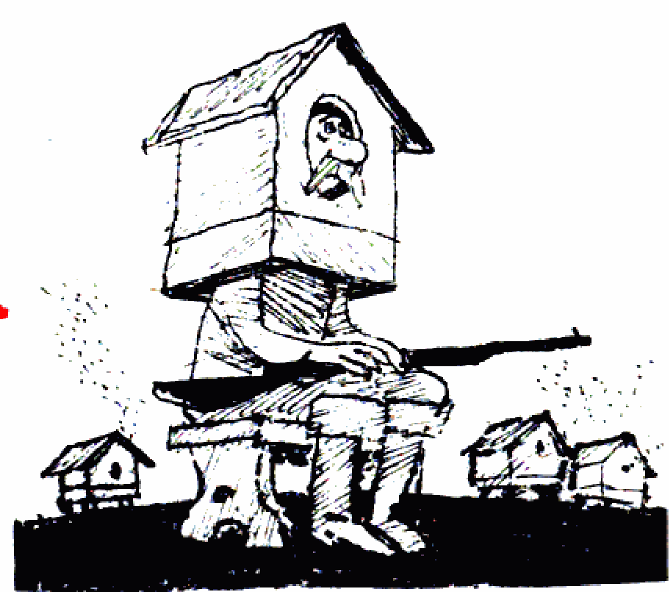

— Ты что, читать не умеешь?

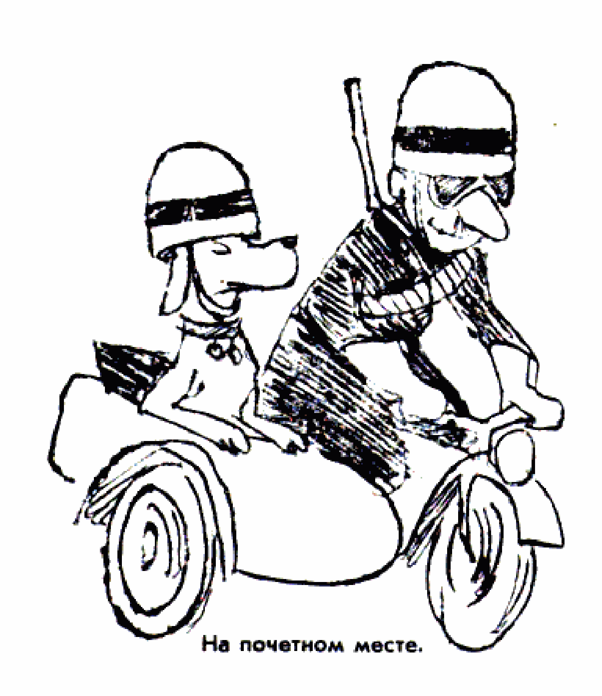

Преимущества фотоохоты.

— Все-таки дождусь я этого косолапого любителя меда.

На почетном месте.

Охота пуще неволи.

